

18+

Роман Котин

Ассистент Джина

Роман Котин
Ассистент Джина

«Издательские решения»

Котин Р.

Ассистент Джина / Р. Котин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В путешествии Руслан знакомится с популярным американским музыкантом русского происхождения, который известен в мире под псевдонимом «DJ Burn». Руслан узнаёт, что некоторые представители мировой элиты и сам DJ Burn обладают новейшими смартфонами, куда встроен засекреченный искусственный интеллект Gina, не уступающий разуму и эмоциям человека.

© Котин Р.

© Издательские решения

Содержание

Ассистент Джина	6
Глава 1. Незнакомка в поле	6
Глава 2. Аллилуйщики	13
Глава 3. На юг	18
Глава 5. Отъезд	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ассистент Джина

Роман Котин

© Роман Котин, 2026

ISBN 978-5-0070-5582-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ассистент Джина

Глава 1. Незнакомка в поле

1.

Она росла как полевой цветок, опаляемая горячим солнцем, побиваемая пыльными ветрами. И если бы ни моя поездка за город, я бы никогда не узнал, что на обочинах забытых страной дорог можно встретить что-то поистине прекрасное.

2.

Мой десятилетний чёрный мультивэн мягко плыл по иссохшей грунтовке, давно когда-то посыпанной белым щебнем. Сзади был прицеп, а на прицепе надувная лодка с новым двухтактным японским мотором в тридцать лошадей. Этот самый щебень иногда выстреливал из-под колес, как это бывает, раздражая водителей. Кондиционер не справлялся с июльским зноем, поэтому я открыл оба передних окна. Дорога пахла пылью и мелом. Этот меловой запах заполнил салон моей машины и навязчиво лез мне в ноздри.

Меня успокаивала только мысль о том, что я еду к воде, а точнее в дачный посёлок на берегу реки. Там я собирался поселиться в небольшом деревянном домике моего давнего приятеля на все выходные. Он без проблем оставлял мне ключи. Это был их с супругой загородный домик для отдыха. Я часто приезжал туда отдыхать — иногда с его семьёй, иногда со своей гражданской женой, а изредко один. В это раз я ехал, чтобы побыть свободным одному. С женой Ольгой мы сильно поругались за день до этого. В моих планах было уединиться с лодкой на круглосуточной рыбалке.

И вот на этой самой дороге, к дому своей свободы, я встретил её. Молодая девушка шла впереди. Со светлыми, почти белыми, но с небольшой желтизной — цвета фильтра сигареты после пары затяжек, волосами. Её тонкие босые ноги аккуратно выбирали на обочине самые гладкие места. В левой руке она держала босоножки на тонкой шпильке, а в правой большую увесистую сумку. Она была в коротком белом сарафане и выглядела так, будто её выгнали из поезда или автобуса прямо среди поля — за её красоту.

Я сбавил ход и старался проехать совсем медленно, чтобы рассмотреть лицо. Приятное, милое лицо — нордическая внешность. Младше меня лет, так, на пятнадцать. И сразу пришла мысль: «нужно предложить подвезти».

— Девушка, у меня есть хорошие рыбацкие сапоги, в них вы дойдёте легко, куда вам надо, — старался я быть остроумным, чтобы войти в доверие.

Она отреагировала на мою шутку доброй улыбкой.

— Здесь раньше была хорошая дорога, — сказала она в ответ, как бы оправдываясь в своём нелепом положении, босиком на дороге среди поля.

— Присаживайтесь. Я всё равно еду через посёлок, — назвал я так место, имя которого всегда вылетало у меня из головы.

Она, долго не думая, открыла дверь и села, поставив дорожную сумищу на острые коленки, а поверх сумки положила босоножки.

— Меня зовут Руслан. А как вас зовут?

— София.

Я заметил, как взгляд попутчицы упал на безымянный палец моей руки. Обручального кольца на пальце не было — я положил его в бардачок машины.

София шла от автобусной остановки в свой родной посёлок, который находился в пяти километрах, через поля пшеницы и лесополосы. Сельские жители привыкли так далеко ходить. То место, куда я ехал, находилось чуть дальше, поэтому мне всё равно было по пути.

В её самом посёлке жила мать и пятилетний сын Софии. Сама девушка давно жила и работала в городе, иногда она приезжала навестить своих близких.

— Классно! Вы будите кататься на лодке? — спросила она меня с восхищением, оборачиваясь назад, где был прицеп.

— Да. Можете составить мне компанию. Я всё равно буду все выходные один.

— Я бы с удовольствием, но сына не могу оставить, хочу побыть с ним — редко приезжаю в последнее время.

— Пусть едет с нами. Мальчишке будет интересно покататься на лодке, — предложил я, думая, что она всё равно откажется.

София в ответ лишь улыбнулась и сделала задумчивый вид. Ей было приятно, что посторонний мужчина был не против присутствия ребёнка.

Мы подъезжали к её посёлку. Я понял, что надо как-то затянуть время общения с Софией, ведь она может уйти навсегда. Я предложил угостить её мороженым. Мы остановились возле сельского магазинчика с облезлой белой штукатуркой и мощной железной дверью. Она согласилась на мороженое.

Мы зашли в маленькое тёмное помещение. На витринах лежали подсохшие фрукты; работал вентилятор и разгонял духоту — туда и обратно; липкие ленты — ловушки для мух были развешаны повсюду, и недоумевающие насекомые жалостно жужжали — те, кто был ещё жив. Продавщица, женщина средних лет, дружелюбно поздоровалась с односельчанкой:

— Здорова, Сонька! К мамке приехала?

— Да, тётъ Тань. На выходные.

Из морозильной камеры обычного кухонного холодильника нам достали два фруктовых рожка, и мы вернулись назад в мою машину.

София рассказала, что уехала жить в город, как только закончила школу. Остаться здесь она не могла. Сказала, что её, как и всех девушек посёлка может ожидать два исхода судьбы: быть дояркой и иметь вечно пьяного мужа или становиться местной проституткой. Большинство девушек из её класса выбрали второй вариант. Думаю, что и сама София выбрала бы второй вариант. Если я и мог вообразить её небольшую блондинистую голову на уровне чьих-то бёдер, то это были не бёдра коровы. В городе она чаще всего работала в барах.

Когда мы с Софией доедали мороженое, сидя в моей машине возле магазина, я повторил своё предложение провести со мной выходные на реке. София согласилась. Я дал ей на сборы три часа.

Пока я ждал свою новую знакомую, уже успел заехать во двор дома и осмотреть всё вокруг. Весь этот дачный массив был полон народу, все занимались — кто чем. Я отсоединил прицеп с лодкой, чтобы не таскать его туда-сюда. В этот момент я увидел два следящих за мной глаза через щель в заборе. Это был сосед по даче моего друга по прозвищу или по отчеству Петрович. Никто из моих знакомых не знал его настоящего имени — так его называли в округе все — просто Петрович. Также его все здесь знали, потому что он был главным сплетником округа и самым любопытным соседом. Он был пенсионером с лысиной в полголовы, торчащим пузом и вечно придурковатой ухмылкой на лице. Я поздоровался с этими глазами в щелке, махнув головой. Тогда он понял, что я его увидел и решил показаться.

— Ты чево это, отдыхать, что ли приехал или рыбу ловить? — начал он сходу грузить меня вопросами.

И то, и другое, — ответил я, изображая занятость.

Тогда он решил подойти ко мне. В руке у него была полная кружка пива. Он демонстративно отхлебнул, потом причмокнул. Петрович любил хвалиться пивом в руке, которое жена ему, видимо, редко позволяла. Бывало, что он весь вечер ходил по пляжу с одной и той же кружкой, доставая других отдыхающих своими расспросами.

— А ты один, или как? Жену не взял с собой в этот раз что ли? — продолжал проявлять любопытство Петрович.

И тут я вспомнил, что он ведь знаком с моей Ольгой. Ведь когда мы приезжали с ней вместе, он так же через забор доставал её своими расспросами, а потом рассказами о ловле раков в советское время. Она, в свою очередь, рассказала как прожила всё лето на острове со своими родителями, когда была ребёнком. Петрович с Ольгой тогда почти подружились, а я ведь и забыл даже про это.

— Нет. Она не смогла. Я буду сегодня со своей племянницей и с её сыном. Родственники, вот, вдруг приехали, надо будет показать им нашу рыбалку.

Таким образом, я попытался обмануть дотошного соседа, в надежде, что про моих гостей никто не узнает.

— Понятно. Ну, хорошего отдыха, — ехидно ответил Петрович, как будто что-то подозревая, и удалился снова обрабатывать граблями свой участок.

3.

Ровно в назначенное Софией время я подъехал к тому самому магазинчику, уже скинув свой прицеп с лодкой во дворе дома приятеля. Возле входа меня ждали светящиеся от солнечных лучей две белокурые головы. София взяла с собой своего сына, они держались за руки. Этот пятилетний мальчишка был копией своей матери, вот только волосы у него были ещё белее, не знаю — из-за возраста, или из-за летнего солнца.

— Знакомьтесь. Это Сёма, — представила София мне своего ребёнка, который вытаращил на меня, как две синие пуговицы, глаза.

— Присаживаетесь скорее, — сказал я, — нас ждут самые настоящие приключения.

Мальчишка вздохнул и посмотрел на меня, а потом на свою мать. Ему было за счастье сменить скучные сельские будни с бабкой, на настоящий отдых у реки с самым близким и любимым ему человеком.

И вот мы втроём, как одна маленькая полноценная семья, поселились в дачном домике. Софии не хватало настоящего, адекватного мужчины, с которым можно было бы не опасаясь провести время. Мне не хватало женской ласки, заботы и новых эмоций, потому что моя жена, которая осталась дома, давала всё это мне лишь на людях или за заслуги. А маленькому мальчику не хватало матери и отца рядом.

В этом дачном посёлке, куда я привез своих новых знакомых, были старенькие домики с небольшими собственными участками и один большой, чистый общий песчаный пляж. Семьи разных возрастов съезжались на всё лето — в место отстранённое от городских забот и проблем. Здесь все и всегда были счастливы. Хмельные мужики целыми днями занимались своими катерами, а женщины либо готовили еду, либо кричали на детей, которые безвылазно играли в воде. Мама Сёмы сразу сказала ему, чтобы он здесь с кем-нибудь подружился. Она таким образом постаралась выиграть дополнительное время для общения со мной. Этот пляж также был и местом всеобщего вечернего отдыха. Здесь жарили шашлыки, танцевали под музыку, ругались, мирились и любили.

— Ну что, София? Нравится тебе здесь? — пытался я задавать банальные вопросы, чтобы получать банальные ответы. Попутно нужно было быстрее заняться лодкой — нельзя отвлекаться на слишком умные разговоры.

— Да! Спасибо тебе большое. Уже пол-лета прошло, а я ещё не была нигде на природе. Мне дома-то и не охота сидеть было, если честно. Да и Сёмка тоже устал уже от бабушки. У обоих крыша едет друг от друга. Он постоянно звонит мне и ноет в трубку, чтобы я забрала его в город. А куда я заберу? Я ночами в основном работаю. Здесь он хоть в садик ходит, хоть под присмотром. Да и друзья есть. Ну, короче, рады мы с ним оба до жопы. Спасибо тебе, Руслан, что вывез нас отдохнуть.

Её настроение и позитив были для меня самым лучшим комплиментом.

Через полчаса дело было сделано. Я спустил на воду лодку, и мы втроём отправились к зелёному архипелагу речных островов, рассекая чистые голубые волны. Я учил их там ловить рыбу на спиннинг. Родной дом Софии находился недалеко, но, как она сказала, даже не догадывалась о существовании таких красивых и полудиких островов. Всё её детство прошло в деревне и на сухих бахчах. Вот так вот бывает — мы иногда живём рядом с потрясающими местами и не догадываемся об этом. Волей судьбы наш кругозор становится ограниченный рамками обыденности.

Когда причалили обратно, я занялся мангалом прямо на том самом пляже. Для Софии я принёс деревянный советский шезлонг, но ещё крепкий. Я установил эту пляжную мебель рядом с собой, посадил туда Софию, открыл вино, налил её полный пол-литровый пластиковый стаканчик, и очень вежливо принудил рассказывать о себе. Её сына Семёна мы отпустили к речке, к другим мальчишкам. Он был у нас на виду. Близился вечер, и люди всё больше начали стягиваться к этому же пляжу.

— Ну что тебе рассказать? Живу, работаю, приезжаю раз в месяц на выходные к маме и сыну. Вот так и проходят все мои дни, — начала она рассказывать о себе — не зная с чего можно было бы начать.

Постепенно слово за словом я вытянул из неё многое. Ей было двадцать шесть лет — она была ровно на пятнадцать лет младше меня.

София покинула свой родной посёлок, когда ей исполнилось семнадцать лет. Мать отправила её в город, чтобы та поступила учиться, параллельно работать и создавать свою личную жизнь. Активная деревенская девчонка поступила в профучилище на повара-бармена. Она с одноклассницей сняла комнату в коммуналке с алкашами и такими же студентами. Главное в чужом городе — выжить. Вместе они устроились официантками в ночном кафе — закусочной, там и началась их бурная личная жизнь. Сначала София закрутила роман с охранником одного торгово-развлекательного центра. Он часто приходил в этот бар, чтобы отдохнуть за стойкой до утра, а утром опять уходил на работу. Видимо, деятельность и руководство позволяли ему это до поры, до времени. Он был на восемь лет старше Софии и на восемь лет дольше неё жил в городе. Однажды так же, как и она приехал из деревни. Этот охранник пообещал юной провинциальной студентке показать город и жизнь. Однако вся жизнь заключалась в хмельных посиделках, уличных драках, скандалах на почве ревности и скучного безденежья. Их роман продлился чуть больше чем полгода, пока этого охранника не уволили с работы. С Софией он перестал встречаться, объяснив это тем, что до неё теперь далеко ездить от новой работы.

Конечно, как не глупая девушка, София не стала рассказывать обо всех неблагоприятных партнёрах, которые встречались юной провинциалке на пути её взросления. Рассказала лишь ещё об отце её сына. Парень такого же, как и она возраста был романтичным гулякой и азартным игроком, и тоже клиентом одного из баров, где работала София. Их роман длился три месяца, после чего он по настоянию своих родителей сделал Софии предложение. Таким образом, родители хотели пресечь его праздный образ жизни, в надежде, что парень остепенится, женившись на трудолюбивой девушке.

Однако сразу после того, как у молодой пары родился сын Семён, муж сорвался и пустился во все тяжкие. Молодые на тот момент снимали квартиру. Он оставил Софию и сына наедине со всеми бытовыми проблемами и ушёл. Его же родители попросили Софию простить, забыть и отпустить мужа с миром. Потом плавно исчезли из жизни невестки и внука сами. София рассказала, что встретила бывшего мужа четыре года спустя на улице в грязном рванье и с помятой жизнью физиономией. И что было самым обидным для Софии — он даже не узнал бывшую жену и родного сына.

С тех пор София жила в двухкомнатной съёмной квартире, опять с той самой подружкой, с которой познакомились на первом курсе училища и жили в одной комнате в коммуналке. По её словам, это самая преданная подруга в жизни Софии. Она даже наивно пообещала нас с

ней познакомить как-нибудь потом. Сына своего она отправила в деревню к одинокой матери. Бабушка ещё даже не пенсионерка, и лучше Софии сможет присмотреть за пацаном.

Мне этот парнишка очень понравился, он в силу своего возраста, был смыслённым и послушным. И даже ни разу не закапризничал — чего я больше всего не хотел от чужого ребёнка. Он, как послушный солдатик исполнял все мамины указания, почти ничего не спрашивал, а только любопытно смотрел на нас и внимательно слушал. А также он, как мне показалось, понимал весь тонкий юмор, что не каждый ребёнок-подросток сможет понять. А хорошее чувство юмора у человека, на мой взгляд — признак здорового ума. В этом, как и во внешности, он был похож на свою мать. София иногда — нет-нет, да могла выкинуть что-нибудь такое в своих разговорах. Например, когда сидели в лодке, я увидел небольшой синячок на её острой коленке. Тогда я нежно погладил пальцами и спросил, — откуда он взялся? София ответила:

— Да это я в церкви долго молилась, чтобы однажды встретить тебя случайно где-нибудь.

Поэтому мне было с ней легко и приятно общаться, не только, как с красивой молодой девушкой, но и как с человеком вообще.

Такого спокойного и равного общения я не мог получить со своей женой. Мы с супругой не могли долго мирно существовать. Любое её обращение ко мне начиналось с превосходящей интонацией или с претензии. Конечно, я не всегда всё это проглатывал, а часто делал замечания. Жены хватало на немного, а потом опять то же самое. А здесь я был с женщиной, которую знал меньше дня, и мне хотелось её знать дольше и больше.

Весь этот короткий рассказ о своей жизни София поведала мне в тот момент, когда я стоял у мангала и вертел на шампурах куриные голени или, как их ещё называют, ляшечки. Моя рассказчица в тот момент уже приканчивала бутылку красного вина. У меня в машине лежали ещё две такие же бутылки. Но по её манере выпивать, я начал подумывать, что их тоже может не хватить.

— Ну, а ты, Руслан. Давай-ка ты рассказывай о себе, — сказала София, сделав эротичный глоток уже из горлышка бутылки.

— Что именно тебя интересует?

— Где работаешь? Кольца на тебе нет. Неужели ты не женат? Как такой видный мужчина может быть не женат?

— Я женат, — ответил я Софии. В этот момент я заметил, как её взгляд погрузнел. Но, видимо, Софию это не особо смущало — больше никаких печальных эмоций она не проявила, да и была, наверняка, готова к такому ответу.

— Но мы с женой не живём вместе, — продолжил я, — наверное, скоро будет развод, — пытался я как-то смягчить своё заявление.

— Все вы мужики так говорите. А потом оказывается, что вас дома ждут любимые жёны с детьми, собачки, кошечки и ипотека.

— Тебя смущает, что я женат?

— Нет. Не смущает. Главное, чтобы жена твоя сюда не приехала сейчас, а в остальном — меня всё устраивает. Я встречалась с женатыми мужчинами. В этом, знаешь, даже есть свои плюсы. Женатики тебя меньше контролируют и меньше выносят тебе мозг.

Про свою работу я решил не рассказывать. Подумал, что нет ничего необычного в должности коммерческого директора строительной компании. Тем более я планировал увольняться на следующей неделе. Недавно узнал, что мой босс кидал меня на деньги. Помимо зарплаты, у меня ещё была и доля в бизнесе. В ответ я слил конкурентам копившуюся информацию и продал свои ценные бумаги за приличную сумму. Пока руководство не поняло что к чему, надо было быстро сваливать с насиженной годами должности.

Когда ужин из курицы на мангале был готов, мы втроём устроились прямо на пляже, как и многие другие семьи. Я покормил своих гостей, и они были сыты и довольны. София стала намекать ребёнку на сон и отдых. Мальчишка сказал, что сам хочет спать, только попросил

маму включить мультики на телефоне. Мы постелили ему постель, уложили, и ребёнок погрузился в свой мир, уставившись в маленький экран. Потом мы с Софией вернулись опять на пляж.

— Ты хочешь ещё прокатиться на лодке? — предложил я, чтобы убить время. Мне хотелось, чтобы все люди с пляжа разошлись по своим домам, и мы остались одни.

— Супер! Мне очень понравилось. Если можно совсем рядом, то давай ещё прокатимся. Вот только бутылку вина с собой возьмём, — игриво ответила она.

В сумраке и речной прохладе мы вновь сели в лодку. Я завёл мотор. В моей пятиметровой посудине из ПВХ был установлен небольшой сабвуфер. Учитывая настроение поддаты Софии, я врубил зажигательный клубнячок на всю громкость и дал газу. София радостно завизжала.

Мы мчались по тёмной воде, и ветер щипал нам лица. София встала возле носа лодки, развязала верх своего купальника и сняла, держа его над головой в руке. Как флаг он развевался вместе с её распущенными волосами. В другой руке она держала бутылку, вытянув вперёд. Она выглядела как гальянная фигура — женщина, украшающая нос парусного корабля мореплавателей. Эта монументальная статуя была украшением моего судна и олицетворением неземной свободы. Своей голой грудью она смело рассекала колкий от мошкеры воздух, иногда по-пиратски делая глотки вина. Я хотел, чтобы это зрелище продолжалось вечно.

В этот момент навстречу нам плыла лодка с соседом по даче Петровичем, с его супругой и двумя внуками. Они возвращались с рыбалки. Четыре пары глаз вытаращились на это вечернее шоу под громкую музыку с пьяной обнажённой девицей — а-ля топлес. А сзади которой сидел примерный семьянин — рыбак, не раз приезжавший сюда с женой и друзьями. Только тогда я осознал, что это весёлое приключение может стоить мне полного расставания или ещё большего скандала.

Когда пляж совсем опустел, мы причалили к берегу и рухнули оба на песок. Музыку в лодке я сменил из клубной на тихий лаундж релакс. Под светом звёзд и окон дачных домиков я поцеловал её. София жадно ответила мне взаимностью. Потом она уставилась в небо и с ухмылкой сказала.

— Ужас! Что за музыка играет у тебя? Она так грузит. Я бы убила того диджея, который это написал.

— Ты способна убить человека из-за музыки?

— Я бы сначала оторвала ему руки, чтобы он подумал над тем, что делает.

После этих слов я понял, что ещё недостаточно хорошо знаю свою новую подружку. Когда в нашей жизни появляется новый человек, когда появляются чувства к этому человеку, нам свойственно идеализировать его. Нам хочется верить в его чистоту и непорочность.

Я не стал больше спрашивать её ни о чём, а снова поцеловал. Мы провели всю ночь на пляже вдвоём, то кувыряясь на песке, то в объятиях падая в воду. И лишь только на заре вернулись домой. Сёма уже давно крепко спал, и София, как приличная мать легла с сыном. Я лёг в другой комнате на узком диванчике. Ребёнок не должен был увидеть ничего непривычного.

Наш совместный отдых продлился два дня и две ночи. На этом отдыхе среди островов и пляжей мы были с ней неразлучны, как Ричард и Эммелин из «Голубой лагуны». С Софией я забыл обо всех своих заботах, которые ждали меня дома. Утром я отвёз их обратно в тот самый посёлок и высадил возле магазинчика, у которого забирал. Они оба поблагодарили дядю Руслана за рыбалку. Мы попрощались.

4.

Когда я приехал домой, Ольга даже не спросила меня про рыбалку и про то, как я провел эти дни. Она как всегда сидела перед телевизором, демонстративно пилила ногти и болтала по телефону (звонить подруге она начала сразу, когда я вошел). Мои вещи были собраны — сумка стояла в коридоре.

Я сам для себя понял, что не хочу больше видеть этого человека, приезжая домой, откуда бы то ни было. Это были не отношения, а вечные качели, как говорится.

Этот разрыв после совместного проживания был четвёртым по счёту разрывом в мои сорок с малым лет. На душе у меня был уже привычный после разлуки осадочек, который с каждым разом длился всё меньше.

Мы с экс супругой всегда понимали, что этот двухлетний гражданский брак был для обоих необдуманным и поспешным. Наши отношения начались после новогоднего корпоратива. Ни она ни я тогда не хотели уходить с работы, а просто решили сойтись и жить в её квартире. Эта самая последняя ссора получилась как раз после моего увольнения.

Видимо, мы оба подумали, что теперь нам не придётся видеться каждый день. Можно просто разойтись, раз появился удобный случай. Я взял свою сумку, попрощался, и снова поехал в загородный дом приятеля. Теперь я там был совсем один. Через неделю мне уже пришлось снять недорогую посуточную квартиру.

А самым главным было то, что изо дня в день меня всё больше тяготило желание вновь увидеть Софию. Я просто должен был её снова найти.

Глава 2. Аллилуйщики

Утром я проснулся в съёмной квартире, которую сдавали посуточно, и уткнулся глазами в потолок. Это был чужой потолок чужой квартиры.

По выходным я люблю просыпаться без будильника и подолгу смотреть в потолок, размышляя обо всём полезном и бесполезном. Но теперь я не мог расслабиться. Всё дело в потолке. Во всём остальном мне было комфортно: постель приятно грела, за окном ненавязчиво жужжала городская жизнь. Вот только потолок — его я привык видеть другим. Не один год я смотрел на натяжной белый глянец, а здесь был желтоватый от времени армстронг.

«Интересно, как много людей просыпались в этой кровати и смотрели на этот самый потолок? А именно вон на тот квадрат с пятном прямо над моей головой?» — такие бесполезные мысли стали приходить мне в голову.

Это был знак того, что пора менять своё лежачее положение.

Я не мог позволить себе купить тут же новую квартиру, но небольшие деньги всё же были. Первое, чем стоило бы заняться — начать искать новую работу, да и вообще начать новую жизнь. Но какой была бы эта новая жизнь? Можно ли считать жизнь по старому шаблону новой?

Я пошел на кухню и щёлкнул электрический чайник. Что нужно было делать дальше, я пока не знал. В этот момент заиграл мой телефон, который лежал под подушкой. Был неизвестный номер. Я ответил.

— Приветствую! Как жив — здоров? — прозвучал вопрос.

Я не слышал этот басистый голос лет пять или больше, но спутать ни с каким другим его не мог.

Это был мой институтский друг Сева. Он всегда помнил мой номер телефона, который не менялся годами. А вот его номера хватало всегда на три созвона. Когда-то мы были с ним — не разлей вода. Признаюсь, я был приятно удивлён.

— Здорово, Сева! Не верю своим ушам! Где ты? Как? Рассказывай.

— Не могу ничем похвастаться, Руслан, — изображая голосом унылость начал он. — Застрел тут под Краснодаром. Денег нет, работы нет — уехать не могу. Вот решил узнать — может, подкинешь мне пару монет на карту, а то даже жрать нечего?

— А я, вот, развёлся, — с ухмылкой ответил ему на душещипательную просьбу.

— Ха-ха-ха! Поздравляю! Тоже дело хорошее. Который раз?

— Ну, а ты как оказался в Краснодаре?

— Поехал тут с корешем работать на виноградники, а работы сейчас нет. Ждём... Ну, так что ты мне ответишь? Выручишь старого приятеля?

— Сейчас подумаю, что смогу для тебя сделать, — ответил я другу и пообещал перезвонить чуть позже.

Этот недолгий разговор вызвал у меня яркую ностальгию. Я был очень рад, что Сева опять объявился. Он постоянно то появлялся, то пропадал на долгое время. Но я всегда помнил про него. И в это раз очень захотел увидеть. Тогда мне в голову пришла мысль: «Если я повидаяюсь со старым другом, то моё душевное состояние от развода резко улучшится». Я принял решение — немедленно ехать в Краснодарский край.

Мы познакомились с Всеволодом, когда поступили на первый курс экономического института. В первый же день после лекций пошли пить пиво во двор соседнего дома. Да и вообще, все пять лет института мы провели в этом дворе. Там пили все — даже, иногда, преподаватели. Поэтому этот двор ещё задолго до нас прозвали «пьяным двором».

Сева реже меня посещал пары, но учился намного лучше. Декан часто просил его посещать лекции и семинары, не потому что переживал за его успеваемость, а потому что другие

преподаватели восхищались им, и сами многому учились у студента-вундеркинда. Он мог бы окончить институт с красным дипломом, если бы ни его пофигизм.

Я был тем самым другом, который постоянно списывает. Все наши пять лет учёбы пролетели, как один туманный миг: друзья, подруги, однокурсницы, общежития. Но учиться и закрывать сессию мы тоже успевали.

Всеволод зимой с преподавателями-физруками ездил в лес на лыжах, летом играл в шахматы, участвовал в олимпиадах по английскому языку, ходил иногда на бокс. А дома даже давал детям платные уроки по фортепиано.

После окончания учёбы, наши пути немного разошлись, но связь с Севой я продолжал поддерживать.

Вскоре он женился и растворился в своей семье, потом опять появился. С женой они прожили почти десять лет, но детей у них не было. Жена долго терпела его фестивали, а потом все-таки подала на развод. Все окружающие удивлялись её долгому терпению. Но таких интересных мужчин иногда женщины терпят и всю жизнь.

Сева ещё умел хорошо зарабатывать. Он сначала устроился в компанию по продаже газового оборудования и получал на тот момент хорошие деньги. А через несколько лет открыл свою фирму с таким же направлением, и денег повалило к нему ещё больше. И жизнь его стала ещё веселее и разнообразнее. Я на тот момент получал копейки по сравнению с ним.

Однажды он уговорил меня взять на работе больничный и тусоваться вместе. Мы начали утро в одном из самых престижных тогда ресторанов Нижнего, а закончилась эта тусовка в сауне с громадным бассейном и с двумя официантками из этого ресторана.

По моим подсчётам, он потратил тогда за сутки три мои месячные зарплаты. Сева никогда не скупился, устраивая фуршеты друзьям.

Потом Сева обзавёлся сомнительными товарищами-халявщиками. Такие люди находят тех, к кому можно присосаться для выкачивания денег. Дело Севы и семья отошли на второй план, в жизнь пришли пагубные тусовки, но и длились они не долго, поскольку такой отдых требует больших затрат. Тем не менее, Сева успел опуститься до неузнаваемости.

Бизнес отошёл неизвестно кому, долги и кайфы вынудили продать квартиру и машину. Всё остальное, что успела забрать жена — забрала себе. Со мной он практически перестал общаться — его трудно было найти. Лишь изредка он позванивал с разных телефонных номеров и нёс какую-то чушь типа: «Будь другом — займи пару соток, а то не хватает на билет до Таиланда».

Сам он потом рассказывал про тот период своей жизни, что не видел у себя никаких проблем. Ему казалось, что он живёт как в сказке, и только он знает, что правильно делать. Все остальные люди не понимали его, а только желали зла, — думал он. Пришел Сева в себя только в бесплатной лечебнице при одном дурдоме. Его туда насильно поместили дальние родственники по хорошему благу.

Вот там-то он только понял, в какой яме оказался. И самым тяжелым для него после выписки из клиники было то, что ему больше некуда было идти. Первое время он гостил у знакомых, пару раз ночевал у меня. Но я не мог ему больше помочь крышей над головой, потому что на тот момент сам только что сошёлся с женщиной и жил у неё.

Сева захотел вернуться к бывшей жене, но та уже сама успела выйти замуж и забеременеть. Идти было некуда.

Один знакомый, с которым они вместе кайфовали, предложил поселиться в монастыре при церкви. Это был такой монастырь, в котором жили не монахи, а те, кого побила жизнь. Но некоторые из конченных алкоголиков всё-таки принимали постриг и уходили жить в монастырь уже как монахи. Сева был не из таких. Не то чтобы он не веровал, а просто жизнь без куража он себе представить не мог. Пусть даже и без крыши над головой, но не без веселья.

Так он и поселился на территории храма, работая за еду и маленькое еженедельное жалование, которое хватало на сигареты. Сами себя эти люди прозвали — аллилуйщики. Аллилуйщики — это те люди самые, «бывшие» алкоголики, которые живут при церкви за её счёт, трудятся на благо храма и спасаются молитвами от бесовской тяги к соблазнам запретным. Вот так вот Сева и стал аллилуйщиком.

Однажды он так же внезапно утром, как и в этот раз, позвонил мне с просьбой помочь деньгами. И я так же обрадовался звонку друга, которого на тот момент не видел больше года. Он как всегда начал рассказывать мне о своём тяжком положении. Но я, как мужик мужика понял его — он хотел выпить. Я помню, как с радости сам накатил дома рюмку коньяка прямо в кровати спальни, быстро оделся и побежал на автобус, чтобы приехать в место, где он ждал. Всеволод тогда был не один, с ним был приятель — такой же аллилуйщик из монастыря.

Оба были худые и голодные, но с похмелья. Приятель Севы был одет в старую потёртую одежду, а сам Сева выглядел молодцом. Он и раньше, когда хорошо жил, хорошо одевался и выглядел очень холёно. Женщины всегда обращали на него внимание. Мы тогда с ним, помню, крепко обнялись по-братски.

— Знакомьтесь, Санёк — Руслан, Руслан — Санёк, — представил он нас друг другу с тем парнем.

— Ну что, ребята, в магазин? — предложил я без лишней прелюдии.

Был тогда конец осени, лёгкий морозец сковал серую грязь на дорогах, серое небо не предвещало мокрых осадков, и мы решили посидеть в бесцветном, безлюдном и безлиственном парке. В магазине мы тогда набрали пива, и сушёных полосатиков.

Это была душевная беседа с людьми, которым от жизни уже ничего не надо было кроме таких посиделок. А пиво и рыбка, несмотря на морозец, так хорошо тогда шли. Подвыпивши, как всегда, мы с Севой начинали вспоминать студенческие годы и разные смешные случаи.

Тогда, уже добренький, я вспомнил, как тусовались в сауне за его счёт, когда я жил бедновато. И я решил отблагодарить товарища. Мы, слегка замёрзшие от холодного пива в парке, поехали в жаркую сауну, предварительно опять зайдя в магазин, где взяли уже водку, горячую курицу гриль и что-то из солений.

Мужики были очень рады даже просто искупаться — баня у них в монастыре была только по воскресеньям, а это был какой-то будний день.

Это был крайний раз, когда я виделся с Севой. Номер телефона, с которого он мне позвонил, потом был недоступен. В телевизионную передачу, где ищут родных и близких, я обращаться не стал.

Вспоминая с ностальгией закадычного друга, решился всё-таки перейти к действиям. Я набрал Севу и обрадовал той новостью, что смогу не только выслать деньги на обеды, а даже приехать сам примерно через сутки. Он сначала не поверил мне и пытался всяческими вопросами прощупать на шутку.

Я сказал:

— Давай-ка, Сева, свой точный адрес и на всякий случай ещё один номер телефона, чтобы я не ездил по всему Краснодарскому краю, ища тебя.

За Севой можно было частенько наблюдать такой косяк: договариваешься с ним о встречи, а потом абонент не абонент — телефона больше нет. Думаю, что именно поэтому он всегда помнил важные номера мобильных и городских телефонов наизусть. Постоянное про... вание вещей научило его память работать лучше.

Товарищ мой находился в это время в городе Крымске, куда они с приятелем приехали работать сборщиками винограда. В завершении разговора и обсуждения плана встречи, я торжественно произнёс:

— Жди, Сева, приеду, и зажжём!

На что мой друг, изображая в трубку слёзы радости, произнёс:

— Да придёт спаситель. Мы ждём тебя, Руслан.

Располагая деньгами и свободным временем, я решил найти свою Софию и позвать в это резко запланированное путешествие. Я был уверен, что она будет рада бросить работу и пуститься в странствие на юг. После визита в Крымск, я подумал поехать с ней на море. Но, к моему сожалению, телефон Софии был выключен. Тогда я решил найти её через тот самый бар, в котором она работала. Во время нашего отдыха она рассказывала разные истории с работы и произносила название многих баров, в которых ей приходилось работать. Один из тех, где работала в настоящее время, я решил запомнить. В интернете я нашёл адрес ранее не известного мне бара и поехал сразу туда.

Приехав в нужное место, я увидел небольшое неприметное помещение между книжным и ювелирным магазином. Дверь была закрыта, а над ней не горящая вывеска «Ночной андеграунд». Я зашел внутрь и немного растерялся в непривычной для глаз темноте. В баре как будто бы царил вечер. В тишине играла медленная музыка. Из посетителей сидела одна пара пьяных тинэйджеров, они жадно целовались, всасываясь друг в друга. За барной стойкой был крупный молодой человек с редкой русой бородкой и короткой стрижкой, на вид лет тридцати. Он демонстративно протирал пивной бокал пухлыми руками, как бы показывая этим движением, что бармен — это он. Я обратился к нему:

— Привет, дружище. Скажи, София здесь работает?

Парень отрицательно покачал головой из стороны в сторону, с подозрением вглядываясь мне в глаза. Это оборвало во мне всю надежду увидеть её снова и надежду на романтическую поездку. Но, к счастью, такое чувство продлилось всего лишь несколько секунд. Бармен произнёс:

— У неё отсыпной после ночной смены. Вечером сегодня опять должна выйти.

— Ты можешь дать мне её номер телефона, а то я не дозвонюсь?

— Нет. Мы тут не раздаём номера сотрудников кому попало. Можешь только оставить свой номер. Я тогда передам, что её искали.

Я не стал надеяться на хамоватого работника, поэтому решил заехать поздним вечером. Да и отсыпной после смены теперь объяснял, почему отключен был телефон. А пока мне надо было убить лишнее время.

Я отправился по магазинам, чтобы купить всё необходимое для туриста. В магазине одежды я прикупил: пару шорт; три футболки; бейсболку; одно большое и два маленьких полотенца; две пары сланцев.

В хозяйственном я взял: раскладной мангал; четыре шампура с резными деревянными ручками; чугунный котелок; алюминиевую канистру и охотничий нож.

Потом я поехал в свой гараж, чтобы взять ещё что-нибудь необходимое. Из необходимого были: крем от комаров; тёплый плед; походная мебель.

Мой чёрный Volkswagen Multivan давно напрашивался на далёкое путешествие. На этой машине можно путешествовать дикарём всё лето и где угодно. За два года его службы я ездил на нём только на рыбалку и на пикники.

Третий ряд сидений я выкинул из него давно, чтобы освободить место для багажа. Сейчас я собирался запихнуть в него всё что купил, а также складной столик со стульчиками. Лодку с прицепом решил оставить в гараже.

Я надеялся, что мы Софией заедем сначала к нашим аллилуйщикам в Крымск, поживём там два — три дня и поедем на море. Мне оставалось только найти Софию и уговорить поехать со мной. Всё остальное у меня уже было готово. В десять часов вечера я отправился опять в бар «Ночной андеграунд».

На улице в то время уже стемнело. Магазины, которые стояли по обеим сторонам бара, были уже закрыты, а над той самой входной дверью уже горела красная вывеска с названием.

«Если вывеска горит, значит и София должна уже быть на работе», — подумал я.

Зайдя в то же помещение, где был днём, я увидел похожую картину: одинокий бармен стоял с пустым пивным бокалом, играла похожая музыка, а за столом в углу сосались уже другие пьяные мальчик с девочкой. Больше никого в баре не было.

— София пришла? — спросил я того же бармена.

— Да. Пройдите в ту дверь и подождите за столиком. У нас вечерами правило — находиться в этом зале нельзя, — сказал бармен, указывая на узкую дверь за его спиной.

Я пролез в этот проём, прижимая голову к плечам, и очутился на крутой лестнице, которая вела вниз. Спустившись по ней, я вышел опять на улицу.

— Что за приколы такой со мной?! — подумал я в ярости, и хотел уже подняться обратно, чтобы разобраться с этим шутником.

Но тут я увидел толпу молодёжи с сигаретами. Играла уже другая — громкая музыка. Это был закрытый двор под открытым небом. Стены старых кирпичных домов окружали это тёмное пространство, изолируя его от остального мира. Вот почему бар носил имя «Ночной андеграунд».

Стояли пластиковые столики около пятнадцати штук, там сидели люди не старше тридцати лет. Такая вот ночная забегаловка. Единственным освещением были гирлянды, протянутые по периметру и три или четыре ржавых бочки, в которых эти же люди жгли костры, подбрасывая ломаную деревянную мебель, что-то типа частей школьных стульев и парт. Асфальта в этом дворе не было — просто голая земля и дикие кустарники с человеческий рост.

Всё это походило своей атмосферой на заброшенные негритянские кварталы, какие показывают в американских фильмах. Казалось, что здесь творится полный бардак втайне от полиции. Сейчас непременно кто-то подойдёт и станет предлагать купить дурь. Начало складываться впечатление, что здесь кто-то очень лишний по своему социальному статусу и возрасту.

Я сел за единственный свободный столик. На нём стояли три пустые жестяные пивные банки и полная, похожая на ёжика, пепельница из такой же обрезанной банки.

Кто-то из совсем юных посетителей только что пришёл и начинал накидываться пивом, а кто-то уже лежал, прилипши лбом к столу. Их молодой организм, накаченный пивом, пытался бороться со сном, и помощниками ему в этом были громкие смехи сверстников и быстрая музыка.

И снова я увидел её. София спускалась по этой же самой крутой лестнице, что вела из зала в этот уличный потайной бар. Она несла поднос с напитками, быстро кинула на меня взгляд и тут же отвела на другой столик. Там она оставила заказ людям и направилась в мою сторону, уже смотря прямо на меня. В её глазах я увидел радостное волнение.

— Я так и знала, что это ты приходишь в обед, когда меня не было. Наш бармен Толик сказал, что какой-то мужчина спрашивал меня. Надо же. Я не думала, что ты найдёшь меня, чтобы опять увидеть. Будешь что-нибудь заказывать?

— Поехали со мной на море, — сразу предложил я, потому что не мог уже больше ждать.

— На море? А когда? — спросила она с широкой улыбкой и по-детски наивным взглядом.

— Прямо сейчас. Я приехал за тобой. Собирайся. Бросай эту долбанную работу навсегда. Мы уедем с тобой в этот раз надолго.

Глава 3. На юг

Уже наступил рассвет, когда мы с Софией выехали на трассу М-4. Машин было ещё мало, дорога ровная и пустая. Ярко-оранжевое августовское солнце показывалось из-за жёлтых холмов; я тем временем периодически отхлёбывал энергетик из черной банки. София молчала рядом. Она то открывала глаза и смотрела на серый асфальт, лентой бежавший под капот машины, то закрывала глаза и мысленно пропадала. В ней чувствовалось равнодушие, и в то же время тревожность.

Но я был очень рад, что еду на юг не один. Я также восхищался решимостью Софии. Это же надо было вот так прийти на работу, не доработав смену, тут же уволиться. Надо же было так ловко наврать шефу про операцию с пересадкой почки двоюродной тёте, чтобы в эту же ночь получить полный расчёт. И теперь она ехала опять в неизвестное приключение, как тогда со мной на дачу.

Она опять была в этом же светлом сарафане и с той же большой сумкой, как в момент нашей встречи. Но она уже не была для меня той незнакомкой с полевой дороги. Я считал её своей девушкой.

Её тонкие выгоревшие волосики поблескивали паутинкой на белой коже рук и бёдер; она опять дремала. В этот момент спящая девочка показалась мне ангелом, спустившимся с небес, или падшим оттуда. Но я знал, что предназначался этот ангел именно мне. Я заслужил её. Я заслужил её любовь.

— Дай попить... — протянула вдруг София руку к моей банке. Прищурившимися, сонными глазами она пыталась рассмотреть, что именно я пью.

Я отхлебнул ещё раз и передал ей.

— Вставай. Уже утро, — сказал я бодрым тоном, хотя сам уже чувствовал небольшую усталость.

София, пошарив у себя в сумке в груди белья, достала бутылку виски, сделала глоток, запила моим энергетиком.

— Эй! Откуда у тебя взялась бутылка?

— Ха-ха-ха. Это я у нашего бармена Толика спёрла.

Вот таким вот, оказывается, был мой ангел — далеко не безгрешным.

К обеду мы подъезжали к славному городу Ростову-на-дону, а это значит, что мы уже на юге. Всю дорогу, что мы ехали до него, София пила, пела и смеялась. Она сидела, скрестив свои тонкие ножки на кресле, расставив в стороны острые коленки, мучила радио и изучала Яндекс карты в телефоне.

— А зачем нам вообще заезжать в этот Крымск? Он, оказывается, не в Крыму даже находится. Смотри — там нет моря, — сделав географическое открытие, ткнула она мне в лицо белый экран.

— Я, кажется, говорил уже тебе, что там сейчас живёт мой институтский друг. Мы заедем туда на день или на два. Я пообщаюсь с ним. Так же попью вискарь из горла бутылки. А потом мы поедем с тобой отдыхать куда-нибудь к морю. Может быть, даже возьмём и его с собой. Сначала, правда, надо будет посмотреть на его состояние и внешний вид.

— А что, нельзя сразу на море нам поехать? А он пусть приезжает тоже туда. Можно же прямо там всем встретиться. Я просто очень хочу на море уже скорее.

— Нет, малышка. У Севы нет денег, чтобы добраться до моря. Сева сейчас в беде — ему нужно немножко помочь.

— С ним что-то серьёзное случилось?

— Да. Уже много лет назад. Он в финансовой пропасти. Сейчас он бомж.

— Мы что, будем общаться с бомжом?! Круто! Ты знаешь, что они бывают очень умные и интересные люди?

— Да. Знаю. Сева как раз такой. Ты сама увидишь.

— Слушай, слушай! — закричала вдруг она и прибавила звук радио так, что стало больно ушам, — ты знаешь, что сейчас проходит фестиваль Казантип 2? А это как раз в Крыму. Может всё-таки твой друг бомж сможет приехать туда, ну или возьмём его и поедем вместе. Я так всегда мечтала попасть на Казантип. Это же его возрождение. Осталось всего несколько дней до его окончания.

Я промолчал.

Мы пообедали в Ростове — в кафе на набережной, с видами на вольный, как казачья душа, Дон и на Ворошиловский мост, через эту реку. Дальше был Краснодар, а затем и нужный нам маленький городок Крымск.

У станции Кущёвская мы на час остановились прямо возле трассы, чтобы показать друг другу, как сильно соскучились за это время разлуки — неделя. София сказала, что за это время у неё никого не было. Я поверил.

В Краснодаре мы купили свежего мяса, чтобы устроить пикник по приезду. София в сетевом алкомаркете взяла себе маленькую бутылочку какого-то пряного бальзама, как она выразилась: «на дозаправочку».

Мне день с ней казался мигом. Не помню, когда либо в жизни, а точнее, за последние годы обывательства, было ли что-нибудь ярче и быстрее, и страстнее, чем эти мгновения с моей возжаемой пассажиркой.

В минуты управления машиной, я несколько раз задумывался о целесообразности поездки в неизвестность. Еду ли я к желаемой цели, или желаемая цель — это и есть моя поездка в настоящее мгновение. Сказать, что София была тем, что мне надо было — не сказать и доли того, что надо было мне. И без неё произошло бы всё, и без неё не началось бы ничего.

Мы приехали в Крымск. Маленький одноэтажный вокзал — место встречи с Севой был перед нами. Вокзал с белыми стенами, и с белыми двумя клумбами, в которых торчали цветы, ждал нас с Софией. Он открылся перед нами в этот вечер последних дней лета. Именно этот южный вокзал говорил мне о том, что лето не заканчивается, а только начинается для нас. Здесь мы договорились встретиться с Севой после пяти, или больше лет необщения.

— Ну и где твой друг? — нетерпеливо сказала София.

— А вот и он.

Я издалека всегда узнавал медвежью переваливающуюся походку Севы. Он вышел из-за угла вокзала ещё с одним человеком. Разглядывая по сторонам, мой друг искал меня среди людей, околачивающихся на этом вокзале.

Я вышел из машины и пошёл к нему навстречу. Сева увидел меня и стеснительно заулыбался; что-то сказал своему приятелю про меня. Мы оба радостно улыбались и шли друг к другу. Ничего не говоря, обнялись крепко по-приятельски, как и раньше в студенческие годы. Вот только плечи у него были другие — не широкие и могучие, а худые и костлявые.

— Как доехал, брат? — спрашивал он меня, не отпуская из своих тонких рук.

— С удовольствием доехал, братишка.

Его приятель с давно не стриженной причёской и небритым пухом на лице протянул мне руку:

— Колёк.

— Руслан.

Это был щуплый тридцатилетний парень с уставшим видом, загорелым лицом, детским взглядом и доброй искренней улыбкой. Мне он сразу понравился. Я точно решил тусоваться с ними всю предстоящую ночь.

— Ну, показывайте свой город, пацаны. Чем промышляете? Чем живёте? Достопримечательности сегодня будем смотреть, или составим программу на завтра? — пытался бодрить я ребят голодных и мечтающих побухать.

— Руслан, ты — гость. Всё будет по твоему заказу, как захочешь, — ответил Сева. Эти слова на самом деле значили: на что располагаешь ты своими деньгами, на то мы и готовы.

София тоже вышла из машины и подошла к нам. Она смотрела удивлённо на моих приятелей и не понимала, что может связывать меня с этой босотой. Я представил её, как свою девушку.

— Ну, показывайте тогда где у вас достопримечательный магазин в Крымске. Думаю — уже пора отмечать наш приезд.

Ребята очень ждали подобную фразу от меня. Мы сели в машину, отъехали сто метров от вокзала и остановились у Пятёрочки. Все необходимые продукты, что продаются в стеклянной таре, овощи и четыре лаваша взяли сразу возле кассы и двинулись на природу.

— Что за места тут у вас, что за речка? — спросил я уже относительно местных ребят.

— А-да-гум, — протянул Сева.

— Адаугм, речка так называется здесь, — пояснил Колёк, — но мы знаем одно шикарное место на Варнавинском водохранилище. Мы там Севин день рождения отмечали. Тут, правда, километров пятнадцать проехать надо от города.

— Как Варнавинское? Это что-то, из Камеди вумен? — шутил я, будто первый раз слышал название этого чуда природы, творимое руками советского человека.

Мы проехали небольшой лес и оказались у широкой воды. Живописное место открылось нам на южной земле Краснодарского края. Из людей на берегу было два недовольных рыбака, которые, видно, собирались уже сворачивать удочки. Возле них мы и решили разбить лагерь.

Я достал из машины пластмассовый стол и стульчики к нему, потом мангал. Парни сразу поняли, что вечер будет серьёзный. София молча приступила мыть огурцы с помидорами.

— Я так ждал тебя, Руслан, — слезливо с добрейшими ангельскими глазами смотрел на меня Сева, — накатим за встречу?

— Давай, дружище, чтоб сподручней было разжигать мангал.

Колёк молча и стеснительно облизался. Сева махнул ему головой, чтобы тот подходил держать стакан.

— Мы с Кольком последнюю неделю только смородиной и тутовником питаемся. Я уже рот не чувствую от этой всякой кислятины. Работы нет. У одного деда наемдни стригли виноград, а он деньги всё никак не отдаст. Давайте выпьем, чтобы проще жилось нам на белом свете.

— Давай, свой любимый тост, Сева, — вспомнил я коронную фразу, что звучала в комнатах общежитий и «пьяном дворе» возле института.

— Ага. За нас с вами и за х..й с ними!

Увидев мужиков со стаканами, София бросила мыть овощи и подбежала к нам.

В этот момент я осознал ценность мига: возле меня были люди, которых я хотел видеть рядом с собой. Были те, с которыми я хотел вот так вот рядом стоять. Может, у мужчины моего возраста должны были быть другие ценности, но как есть. Хорошо, что есть хоть какие-то ценности. И я рядом с этими ценностями нахожусь. Нужно наслаждаться моментом, а об остальном будет время ещё подумать. Да и не поздно никогда ничего начать заново.

Солнце скрывалось за противоположным бетонным берегом водохранилища, и мы все уже были веселы. Обнявшись с Севой мы старались вспомнить что-нибудь из репертуара Розенбаума, чтобы спеть, как в былые времена. Выбрали «На улице Марата». София смотрела на меня влюблённо и вслушивалась в сложный текст песни. Колёк в это время полез в воду купаться.

Лысая голова Севы легла мне на плечо. Я видел, что он тоже скучал по мне очень. Эта всегда лысая голова с торчащими ушами раньше напоминала мне голову поросёнка Хрюши из

детской передачи Спокойной ночи, малыши. Теперь же это был морщинистый урюк, с маленькими ушками и обвисшими щеками Бассет-хаунда.

Шашлык с мангала пора было снимать. Мы разложили на столе лаваша, чтобы использовать их как тарелки. Колёк увидев начало трапезы, как дельфин выпрыгнул из воды. София, как настоящая хозяйка старалась всё красиво украсить на столе, и поставить так, чтобы всем было удобно.

Все мы были голодные, но парни смотрели на румяное, горячее и шипящее мясо с животным аппетитом. Их привычный образ жизни заставил полностью отвыкнуть от вкусной и сытной пищи. Через пятнадцать минут четыре шампура пустые блестели на столе. Нужно было готовить следующую партию.

Когда на берегу стало совсем темно, мы разожгли костёр похожий на пионерский. Сева притащил два огромных сухих бревна и деревянный поддон, кем-то бережно спрятанный в кустах. Вокруг огня устроили танцы в стиле латино. Колёк и София были моложе нас Севой и танцевали круче.

Потом Колёк исполнил свой, как оказалось, коронный номер — встал на руки и вверх ногами несколько раз обошёл вокруг костра. В нём была молодая и свободная сила, которая притягивала внимание и восхищала меня. Сева уже не удивлялся этому зрелищу, лишь одобритительно качал головой. Мы Софией были поражены и от души похлопали уличному акробату.

— Я то что... А Севка... Севка, вообще, стихи сочиняет, — весело перевёл Колёк наше внимание на друга.

— Да. Сева всегда писал стихи, сколько я его знаю, — согласился я.

— Давно уже не пишу — не сочиняю. Ну, есть парочка новых, — заскромничал Сева.

— Сева, это правда? Давай, давай стихи, — подзадорила его София.

— Вам как прочитать? Из моего последнего?

— Что душе твоей угодно, дружище, — поддержал я своего товарища.

— Надо на стульчик мне тогда встать.

Сева вытянулся вверх, изображая подъём на стул и похрипел пару раз горлом, как перед выступлением.

— Жизненное:

«Рожденный летать, я ползал по дну.

Забыл про любовь и про детства мечту.

Стремился к свободе, и мудрость постичь,

На верном пути сам поставил «кирпич».

Не ведал я страха, беды, неудач,

Сейчас же души слышу горестный плач.

Я шёл к мечте, я верил и любил,

Но жизнь свою, чумясь, пересолил».

Да. Это было жизненное стихотворение, про Севину жизнь. В этих строках он рассказал про себя главное. Мне стало печально после прочитанного. Передо мной был старый друг, который был уже мало похож на того прежнего друга.

Сева создавал бизнес, умело управлял им, руководил людьми. Ходил в дорогие рестораны и дарил дорогие подарки своим женщинам. Всегда был модно одет. Дома он несколько раз менял халаты: в одном он ужинал, в другом ходил в душ, в третьем выходил курить на балкон. Теперь же этот человек с апатичными глазами высмаркивался голыми пальцами и стряхивал под ноги.

Я предложил выпить за творчество — меня все поддержали.

Дальше каждый из нас показывал то, на что горазд. Я пел, и мне казалось, что делал это лучше Лепса. София виляла бёдрами и грудью, вынуждая голодных одиноких парней испы-

тивать нескрываемое либидо. Сева громко орал в звёздное небо. Колёк пытался ещё что-то вытворить на руках, пока с хрустом не упал на шею.

Наша гулянка на природе в тёплую, ночную, южную погоду продлилась почти до утра. Небо светлело; всё было допито и съедено. София уже лежала в машине — я пошёл к ней. Сева и Колёк легли прямо на земле возле потухшего костра.

Наступило утро... Проснулся я под Софией. Моя девочка, как кошка, клубком лежала на мне, покусанная комарами. Парни уже купались в мутной воде. Рядом пасли коров. Утреннее солнце успело нагреть машину. Был жуткий сушняк.

Мы приводили себя в порядок. Я тщательно умывался, чтобы скрыть похмелье. Все ждали от меня дальнейших предложений. Я предложил дожидаться моего хорошего самочувствия — надо было садиться за руль.

— София, что ты думаешь, если мы возьмём парней с собой на море?

— Сам решай. Парни, в общем, не плохие. Сева твой — вообще душевный пацан. Мне главное — быть с тобой.

Я озвучил ребятам своё предложение, и они были ошарашены таким поворотом событий.

— Руслан, с тобой хоть в Африку, — сказал Сева, который и правда готов был ехать куда угодно и с кем угодно, лишь бы его позвали.

К обеду мы вернулись в Крымск. Парням нужно было забрать дома документы и одну маленькую сумку личных вещей. Одежды у них не было.

Их дом можно было условно назвать домом. Это был деревянный гараж на заросшем травой участке. Внутри стоял стол, и одна кровать. На участке стоял летний душ и сортир.

— Вы что, спите на одной кровати, — подколот я ребят.

Они переглянулись и в один голос ответили:

— Нет. По очереди.

— Ну, а куда деваться, Руслан, — признался Сева, — мы когда сюда ехали, ожидали совсем другие условия. Думали, что заработаем денег, на море успеем съездить. В итоге без еды и без штанов совсем остались. Если бы ты не приехал, пошли бы побираться по городу или грабить.

Я принял тёплый душ на их участке — мне стало намного легче. Вода в баке оказалась свежая, я ожидал худшее — думал, что будет пахнуть тинной. Сева сказал, что они купаются каждый день, и каждый день носят воду ведрами из уличной колонки.

Душ для меня всегда был волшебным средством от плохого самочувствия и плохого настроения. В этот раз он спас меня перед дорогой и настроил на аппетит.

Пообедав в пиццерии, мы пришли в себя полностью. Все были настроены на дорогу.

Я не мог позволить, чтобы Сева и Колёк ехали отдыхать в потёртых джинсах и истоптанных кроссовках. Я дал парням деньги. На уличном базаре они купили шорты, сланцы и по две футболки. Софии я тоже сказал, чтобы она что-нибудь себе выбрала. Она долго ходила возле прилавков, что-то мерила и выбрала солнцезащитные очки. Всё остальное я пообещал им купить в Геленджике.

Перед выездом из города, парни попросили меня отвезти их в Церковь Архангела Михаила. Сказали, что часто посещают её. Сейчас же они хотели помолиться за благополучную дорогу и хороший предстоящий отдых. Я, конечно, не мог отказать в святом. Вот такие вот они эти аллилуйщики.

София сказала, что тоже пошла бы с удовольствием в церковь, но у неё нет правильной одежды, поэтому мы остались в машине.

Когда Сева и Колёк вернулись, мы отправились в путь. Они сказали, что даже поставили в храме свечку за здоровье моё и Софии.

Потом ребята попросили купить им пиво в дорогу. София поддержала парней.

Глава 4. Адлер

1.

Бордовое вечернее солнце опускалось за горизонт и находилось где-то там на другой стороне моря, как будто в гостях у Болгарии. И в это самое время мы уже наконец-то выезжали к берегу. Шумная толпа трёх моих попутчиков накидавшись пивом орала во всё горло что-то из Шнура.

— Море! Море! Дельфины! — кричал Колёк.

— Моё море, моё, — добавил радостно Сева.

А София нежно гладила меня по руке, как будто только в этот момент она почувствовала настоящий отдых, ведь замечательный мужик её наконец-то вывез в Геленджик.

Я тоже радовался по-детски этому пейзажу и моменту, и хотел поскорее прибыть в такое же пьяное состояние как у друзей. Мы были уже на море. Минув Новороссийск, решили добраться до Геленджикской бухты, и там уже искупаться.

Ещё несколько километров извилистого пути вдоль побережья — вот мы и на пляже. Галька, камни, бетонные рукотворные изваяния. Я припарковал микроавтобус около небольшой кавказской кафешки рядом с водой. Пахло шашлыком и солёным ветром.

Все мои пассажиры разом выбежали из машины и рассеялись среди загорелой полуголой толпы, как будто я был для них просто наёмным водилой, что ежедневно привозит оголодавших по югу туристов. Заночевать я планировал прямо на этом месте.

— София, Сева, Колёк, где вы? — крикнул я в людскую толпу, как в бездну, но никто не отозвался.

Я пошёл к бару. Рыжий, кудрявый парень с бронзовым лицом и торсом — из-за южного загара, ждал моего заказа. Я прочёл пивное меню, сделал заказ:

— Ноль, пять «Дона».

Он взял полулитровый пластиковый стакан, открыл краник. Ледяной пар ударил по матовому краю. Бармен медленно и долго наливал мне холодное, пенное южное пиво. Я тем временем оглядывался по сторонам, ища ребят. Конечно же, из тысячи я разглядел свою: София мочила ноги в шумящих волнах. Пацанов я не смог разглядеть — они тем временем уже оголили торсы и слились с толпой.

Когда, уставший от повседневного пляжного солнца, бармен протягивал мне мой холодный «Дон», они все трое, как изголодавшие дети появились вдруг у меня за спиной.

— Ещё три такого же, — сказал я.

Все трое встали в очередь.

— Руслан. Ты снова сделал мой день, — сказал Сева, трясущейся рукой выхватывая у бармена наполнявшийся стакан.

Колёк придурковато пританцовывал. София обнимала меня сзади за талию и целовала в правую мочку уха.

— Спасибо тебе, — прошептала она. Благодаря, то ли за пиво, то ли за море.

Потом мы вместе присели на берегу, позволяя волнам мочить уставшие от жары и дороги ноги. Солнце медленно двигалось на юго-запад, а музыка на пляже становилась всё громче.

— Я хочу выпить за всех нас, — сказал Колёк, поднимая стаканчик. — Руслан, позволь, с этого момента я буду называть и считать тебя своим другом?, — добавил он, добро смотря мне в глаза.

Мне может быть и не нужна была его дружба, но стало очень приятно. А вообще я просто радовался этому замечательному времени — времени встречи с другом Севой и Софией.

Пусть эти слегка лестные слова и не вызвали во мне никакого воодушевление, никакого восхищения самим собой, но всё же было приятно. Как мне тогда казалось, это добавляло мне уважение перед Софией.

Сева, конечно, гордился перед Кольком, что имеет такого хорошего обеспеченного и щедрого друга — это я прочитал в его лёгком кивке и улыбке. Он таким образом одобрил Колины слова.

2.

Вот так вот классно начался наш отдых. Нам всем вместе предстояло провести очередную ночь на свежем воздухе под небом.

София, сидя рядом впритирку бедром в бедро, тихо предложила мне прогуляться по пляжу. Парням нашим я сказал, чтобы пока далеко не разбредались.

— А давай посмотрим, что там есть дальше, — держа за руку, повела меня в гущу отдыхающих людей и на запах аппетитного дыма.

Её тонкая рука впивалась красными ногтями в моё запястье. Я почувствовал какую-то родную душу. На миг даже пришлось пожалеть о присутствии остальных двух пассажиров, ждущих нашего возвращения.

— Ты, наверное, как и я, хочешь есть? — додумался я наконец-то спросить свою обожаемую.

— Пипец, как я хочу что-нибудь поесть! Что будем брать, Руслан?

Мы пошли быстрее в сторону ароматного шашлычного дыма. Волосатый повар брызгал воду из пластиковой бутылки на шипящие угли. Я сразу же начал искать на прилавке свой любимый с детства южный соус ткемали. Он стоял разноцветными пластиковыми бутылочками позади потного шашлычника. Желтый, зелёный, красный и тёмно-красный. Я вспоминал кислый и почти разный вкус каждого из них.

Мы заказали килограмм куриных крылышек, килограмм бараньих пистолетиков, лаваш и зелёный соус.

Моя милая хозяйка спросила у повара салфетки и четыре пластиковые тарелки.

Ужин на берегу, а потом купания.

До глубокой ночи мы радовались теплоте Чёрного моря. На пляже в то время осталось всего несколько кучек молодёжи — тоже, как и мы, с ночёвкой. Кто-то неподалёку сумел разжечь костёр — непонятно из чего.

Я взял Софию на руки и понёс в воду. Она поняла для чего. Солёными губами, впившись в мои губы, она сильным крабьим хватом сжала мои бёдра ногами и сунула руку в оттопыренные вперёд шорты. Мы стояли по пояс в чёрно-синей воде. Волны раскачивали нас взад-вперёд, помогая любить друг друга. Казалось, что сама стихия была на нашей стороне. Миллионы звёзд подмигивали нам.

Потом мы легли на расстеленных покрывалах, чтобы смотреть в небо. В этот момент я начал чувствовать нарастающую любовь к Софии. Кажется, я снова влюбился за долгое время. И как влюблённый мальчишка, задал волнующий вопрос:

— София, сколько у тебя было мужчин?

Она изобразила стеснительность и задумчивость. Мне итак было понятно, что она не скажет как есть, даже если я её стану пытаться. Но с юмором всё же выкрутилась:

— Ммм... Меньше, чем звёзд сегодня.

Я задал этот вопрос, наверное, даже не потому, что ожидал услышать какое-то число. Скорее всего, этим вопросом я старался дать понять Софии, что считаю своей и уже ревную ко всем бывшим.

Она гладила меня по щекам и целовала. Я чувствовал, что ей было по-настоящему хорошо и спокойно. Потом она добавила:

— Сколько бы мужиков у меня не было, Руслан, такой, как ты — первый. Мне вообще не везло с ними, всегда попадались идиоты. Я никого из них не хочу вспоминать. Я вообще хотела бы начать новую жизнь с тобой.

Так мы уснули — глядя друг друга и слушая море.

3.

Нас разбудили крики чаек и щелкающие звуки гальки из-под сланцев пришедших рано купаться людей. В основном на заре в заплыв шли пожилые пенсионеры, а в большинстве из них пенсионерки. Колёк и Сева уже резво, по-детски плескались среди бабушек. Бабушки эти были в резиновых советских чепчиках на головах — их память о молодости и курортах по путёвкам от профсоюзов.

Я захотел поехать подальше к югу. София быстро собрала все наши вещи с пляжа, а я скомандовал ребятам: «По машинам!». Решено было ехать в Адлер.

— Ты прикинь, Руслан, — сказал мне Сева уже в машине, — Колёк, оказывается первый раз на море.

— Да? — радостно изобразил я удивление, — и как тебе, Коль?

— Как, как? Как первый раз на море. Всю жизнь мечтал увидеть его. И тут такое... Я мог, конечно, в детстве его увидеть, но не получилось. Помню, матери на работе подарили путёвку в Анапу. Было мне тогда лет десять. И мы с ней опоздали на поезд в день отправки. Денег на новые билеты у нас не было. Так мы и не поехали с ней никуда.

Я представил детское расстройство этого человека, мне его стало жалко. Что значит для ребёнка ждать поездки, считать дни, и не поехать?

В Адлере мы остановились в гостинице «София». Да. Я специально из-за её названия решил первым делом поехать туда. Оказалось — ехать больше никуда и не было смысла. Нам всем понравилось сразу.

Это была первая береговая линия. Белое длинное двухэтажное строение, с красной крышей, со скромными маленькими номерками, но зато с видом на море. Что-то в этой гостинице я ощутил старое, советское и тёплое. Я взял двухместный номер нам с Софией, и такой же папанам, только им с отдельными кроватями.

В этот вечер мы никуда не пошли, а просто напились в номере Севы и Колька.

4.

Рано утром, как двое из ларца, мои товарищи стояли у нашей с Софией двери. Они стеснялись разбудить нас. Я услышал их перешептывание в коридоре, и сам открыл дверь.

— А София ещё спит? — спросил тихо Сева.

— Да. А что вы хотели? — сказал я так же тихо, хотя София уже ворочалась с телефоном в руках.

— Руслан, ты не мог бы одолжить нам чуть-чуть денег на проезд? — жалобно, выпячивая губы, пробормотал Сева.

— Что ещё за проезд, парни? Алкоголь же пока не продают.

— Нам не на бухло, Руслан, — пояснил Колёк, — тут у меня дальний родственник, представляешь себе, есть. Пахана моего двоюродный брат. Так вот я с ним в кои-то веке созвонился. Он зовёт нас всех к себе в шалман. Это здесь в горах. У них там частный дом, говорит. Мы можем, конечно, и все вместе поехать, но я не знаю, что там да как. Может быть, даму и не прилично в такие места тащить. Мы бы с Севой сначала на разведку съездили, а потом, глядишь, и вместе навестим дядьку.

Я был не против, если парни уедут ненадолго. Пусть тусонутся, как им нравится. А я заодно побуду с Софией без их присутствия. Поэтому не скупясь я дал парням по тысячной купюре. Они жадно похватили деньги и, с довольными рожами тут же исчезли.

— Руслан, давай ещё поспим? — сказала София, лениво лежа в кровати, протягивая ко мне руки.

— Давай.

5.

В этот раз мы отобедали уже в новой для нас кафешке. Хотелось погулять и посмотреть побольше. Прошлись немного по прилавкам, где толпятся загорелые отдыхающие с плаватель-

ными кругами и полотенцами на шеях — беззаботные и свободные. Нам, глядя на них, тоже захотелось искупаться. Держа за руку свою Софию, я повёл её на пляж.

— Интересно, а где же наши двое из ларца (мы с Софией стали их так называть)? — спросила она.

Я безразлично пожал плечами.

Сделав небольшой заплыв, мы разлеглись на пледе, что постелили на камни. Чуть позже София пошла за пивом, а я решил набрать Севе.

— Да, Руслан! Слушаю внимательно.

— Ну, как вы, Сева?

— Всё норм, бро. Вы сами как?

— На пляже сейчас. София, кажется, соскучилась по вам. Что делаете? Куда подевались?

— Тут такое дело, Руслан... Колёк с дядькой своим забухал немного. Сейчас дома на веранде у него сидим. Колёк говорит, что до вечера, наверное, мы у него останемся. Так что пока без нас тусонитесь. Как будем в отеле, я тебе наберу.

— Ок. Созвонимся.

София принесла два холодных пенящихся стакана, легла рядом на живот, один стакан дала мне.

— Наши двое из ларца встретили здесь каких-то старых друзей. Так что сегодня до вечера будем с тобой одни.

— Ты хотел сказать, что будем с тобой вдвоём? Наконец-то! А что будем делать? Может, давай в караоке? Я хочу в караоке... В караоке...

Подуставши от шума и тысячи ног возле наших голов, мы решили вернуться в номер. София пошла в душ, а я сидел в кресле и думал, как бы мне развлечь мою девчонку. Что бы придумать такое новое, чтобы эта молодуха не соскучилась и оторвалась по полной? Может попробовать другой город?

— София, — обратился я, когда она вышла обнажённая, суша волосы полотенцем, — а давай поедem в Сочи, посмотрим, что там есть интересное, где можно погулять?

— Руслaaaaан, — протянула она, подошла ближе и ткнула свою гладкую острую коленку мне в плечо, — это же будет вообще круто! Мы, правда, и тут ещё не всё посмотрели, но я только за.

Она вызвала через приложение такси, и оно приехало настолько быстро, что София едва успела одеться. Через час с небольшим нас высадили в Сочи возле парка Ривьера.

Уже приближался сочинский вечер, от множества деревьев начинало веять прохладой и свежестью. Люди в парке были одеты не как в Адлере — по-пляжному, а больше по-городскому. Мы обнимали друг друга и шли по аллеям.

Я представил, что София моя жена, это наш город, мы живём где-то неподалёку отсюда, скоро вернёмся домой, и моя супруга будет готовить для меня ужин, пока я буду отдыхать после прогулки.

— Ты хотела бы поселиться здесь и жить? — шепнул я ей в ушко.

— А знаешь, город сам по себе прикольный во многом. Но здесь, чтобы по кайфу было жить, нужны бабки, много бабок, — протараторила она, а потом вздохнула, — хотя, в принципе, как и везде. Мне вообще больше Питер нравится, — мечтательно продолжила она, — Я там тоже, хоть и была только раз, но поехала бы опять с удовольствием. Питер — моя мечта. Вот там бы я точно хотела жить.

— Но ведь просто побывать и жить — это не одно и то же, — попытался я переубедить человека — тут же обрубившего мою мечту на корню.

— Ну, знаешь, я жила там почти две недели, мне предлагали остаться там жить на ПМЖ.

— Кто предлагал?!

— Да был там один бойфренд у меня из Питера. Бухал, правда, как скотина. Один раз врезал мне прямо в висок за то, что я в шутку заперла его пьяного на балконе. Я, конечно же, собрала вещи и уехала на следующий день, или через день. Он даже не извинился ни разу. Урод! Ненавижу, когда руки распускают. А город — да. Город мне понравился.

Возле питьевого бювета София остановилась и попросила сфотографировать её возле скульптуры «Дельфины с мячом». Сначала она встала между ними, приложив подбородок к мячу, потом рядом с одним дельфином в обнимку, потом рядом с другим, закинув ногу чуть ли не на плавник. Я несколько раз щёлкнул их на её телефон — как смог.

А потом она просто замерла. Я заметил, как она с грустью посмотрела на них, погладила того, что был слева.

— Интересно, как там сейчас мой малыш? — монотонно произнесла она, вспомнив вдруг про сына.

И я сам в этот момент почувствовал накрывающую меня вместе с дельфинами горьковатую волну вины. Ведь это я увёз от ребёнка его маму. Из-за меня сейчас София в полутора тысячах километрах от сына. Хотя мне-то за что себя винить? Я же не такой подонок, который позволит себе бить это хрупкое чудо природы. Я итак стараюсь делать всё, чтобы ей было хорошо со мной. Чувство вины тут же отхлынуло.

— Мы могли бы поехать за ним, привезти сюда, если хочешь. Только вот номер нам нужно будет снять побольше нашего, — как-то так попытался я её успокоить.

— Хм... — кивнула она головой вверх, будто не веря в мою запредельную доброту.

Мы направились к выходу из парка. Всё то время, что шли, София молчала, я тоже молчал. Мне стало любопытно, как долго это продлится и как она сама начнёт говорить. Кажется, впервые за время нашего приезда на море она выглядела такой задумчивой. Это дельфины с мячом напомнили ей про мальчика, а значит она не была бессердечной, значит у неё была душа, которая может иногда болеть. А может быть это просто природа? Не человеческие качества, а просто природа материнской души, которую не каждый из нас мужиков способен так сразу понять и прочувствовать.

Но как только мы вышли за территорию парка, София резко повеселела, стала активно оглядываться по сторонам и что-то расспрашивать о постройках.

Мы как-то незаметно для себя спустились вниз к воде и оказались на территории морского вокзала. София опять просила фотографировать себя, то на фоне яхт, то на фоне острых крыш.

7.

Где-то к девяти часам вечера мы, нагулявшись по Сочи, вернулись в Адлер, в свой отель. Сева и Коля вернулись примерно в то же время.

Провести вот так бестолково ещё один вечер в номере было не по мне. Я заставил всех быстро собраться, а сам вышел из гостиницы, чтобы подышать вечерним воздухом. Воздух был всё ещё нагрет дневным солнцем, но такого пекла уже не было.

Из нашей гостиницы, да и из других начали выходить люди, они были одеты не по-пляжному, как обычно одеваются днём. Мужчины были преимущественно в джинсах и светлых майках, женщины были накрашены более ярко, чем это было днём, волосы их были более аккуратно уложены.

Моя София тоже вышла с розовыми румянами на щеках и ярко-зелёными тенями. Я впервые увидел её с таким макияжем. Какой-то лёгкий намёк на 90-е. И ей это шло, как не подошло бы никому больше. Одетая она была в белые шортики и белую блузочку. Плечи её были оголены, а небольшая, но упругая грудь стремительно торчала вперёд.

Парни настороженно оглядывались по сторонам, как будто уже давно отвыкли быть частью нормального общества. Их безденежная жизнь и мелкие «чёрные» подработки ради сиюминутного кайфа, давно отдалили от тёплой семейной обыденности.

Мы пошли в противоположную от моря сторону и поднялись на улицу Ленина. Далее по Ленина мы пошли прямо, как посмотрели по каре, в сторону центра. Это оказалась очень длинная улица и, как я понял, главная в Адлере. Толпы людей, приехавших так же, как и мы, бродили в этот вечер счастливо и беззаботно.

— Мы сегодня утром много здесь в городе на маршрутках объездили, — похвастался нам с Софией Колёк, — хороший городок, жить можно.

Дойдя до реки Мзымта, мы решили спуститься вниз, чтобы оказаться на набережной. С правой стороны от нас оказалось много разных ресторанов и баров. У одного из бара стоял оркестр из пяти человек, все были одеты в белую форму моряков. Лишь только мы поравнялись с ними, тот, что держал саксофон, резко заиграл давно знакомую для нас Севой мелодию, а солист запел:

« — Заходите к нам на огонёк, —
Пела скрипка ласково и так нежно.
В этот вечер я так одинок,
Я так промок, налей, сынок».

Сева положил мне руку на плечо, и мы, остановившись, стали подпевать музыкантам.

Это был очень классный ресторан, после встречи с такими зазывалами, мы не смогли пройти мимо. Внутри нас ждала горячая закуска.

Уже подвыпивши, я постоянно звал свою девушку на медленный танец. Мы кружились до ряби в глазах и постоянно целовались. После поцелуев почему-то всегда громко смеялись в один голос.

Сева тоже, не теряя времени, нашёл себе подружку. Это была с виду интеллигентная особа. В соломенной шляпе и длинным до пола кофейном платье.

— Познакомьтесь, это Марина — поэтесса из Питера, — представил Сева свою пару, подкатив к нам в танце.

— Марина Мирная, очень приятно, — кивнула нам женщина в шляпе, годами чуть постарше нас с Севой — лет на семь или восемь. Она была стройная, как и моя София. Узкое лицо с вытянутым подбородком придавало ей вид английской аристократки.

Сева, кажется, стеснялся её. Наверное, это потому, что он отвык от нормальных отношений с нормальными женщинами.

Когда решили уходить, Сева взял у своей новой знакомой номер телефона, и на всякий случай уточнил название её отеля.

Уже ближе к рассвету мы были возле нашего отеля «София». Моя София сказала, что ей срочно нужен душ, а мы с ребятами решили спуститься к морю.

— Ты знаешь, Руслан. Я отвечаю, что завтра вечером найду Марину. Я давно таких толковых баб не встречал, — мыча, откровенничал пьяный Сева.

— Ты уверен, что она одна, свободна? — скептически спросил я, одновременно радуясь за друга.

— Сказала, что вдова. Мужик у неё разбился на машине два года назад. Муж погибший, говорит, был известным в Питере поэтом, и она тоже поэтесса. Но не такая известная, как сама говорит. Да и я немного же поэт, — мечтательно вздохнул Сева и посмотрел на звёзды. — Думаю, что мы подходим друг другу.

— Действуй, Сева, действуй, — поддержал наш разговор, сидящий рядом и кидающий в море гальку Колёк, — нормальную бабу склеил, может завтра уже даст тебе. А потом и в Питер, глядишь, заберёт тебя.

Сева захохотал, и в то же время как-то задумался об этом.

Мы решили идти по номерам, а уже на следующий день придумать новые занятия и маршруты прогулок.

Глава 5. Отъезд

1.

День за днём пролетал наш беспечный отдых в Адлере. Казалось, что не было уже в этом городе закоулка, куда бы не сунулись мы с Софией. Нас узнавали продавцы и некоторые прохожие, которых мы встречали утром, идя на пляж, или вечером, направляясь в бар.

София любила давать клички всем, кто был хотя бы слегка похож на известных людей. Так Мистер Бин продавал арбузы и дыни у перекрёстка, Джерард Батлер собирал возле отеля бутылки по утрам, Дженнифер Энистон выгуливала пару болонок каждый вечер, а Билли Айлиш работала на квасе.

Я пытался сосчитать дни, с того момента, как мы заехали в отель. Ведь я совсем потерялся в числах и днях недели. Десять дней непрерывного кайфа, как один день или даже миг.

В то самое утро я проснулся на удивление один в постели, ещё тёплой от Софии. Рука потянулась к телефону, чтобы тут же набрать ей. Я сам одернул руку от телефона — пришла мысль, что не надо быть таким навязчивым, ведь если она решила выйти из номера по-тихому, значит ей что-то нужно. Звонить вслед — значит нарушать границы. И я, и София за эти десять дней были в уединении разве что в туалете.

Немного повалявшись, я решил всё-таки принять душ, и посмотреть, чем занимаются Сева с Коляком. Кстати, Сева тоже стал часто пропадать — у него ведь появилась дама. Иногда он гулял с ней по вечерам.

Как я и предполагал, их номер был закрыт. Выглянув в окно, я увидел Колю, сидевшего на скамейке возле отеля. Он попивал пиво из бутылки, вид его был каким-то грустноватым. «Наверное, Сева его, точно так же как и София меня, оставил в номере одного, ничего не сказав», — подумал я, и меня насмешили собственные мысли.

— Коля! Ты чего один? — крикнул я.

— Севка у бабы заночевал сегодня, — ответил он, щурясь, смотря на меня вверх.

— Ух ты! У Марины?

— Да. У своей поэтессы.

Эта новость меня обрадовала. Я не мог даже вспомнить, когда у Севы за последние годы была приличная женщина. Может быть, у них всё получится.

— Ты не видел Софию, — опять крикнул я со второго этажа. Наверное, наше перекрикивание походило на то, как перекрикиваются соседи во дворах провинциальных южных городов.

Я тут же поймал себя ещё на одной мысли: я ведь совсем не собирался спрашивать Колю о Софии. Неужели я настолько привык к ней, что считал частью себя, и говорил о ней уже на автомате.

— Видел. Она куда-то туда пошла, — показал он ладонью в сторону центра города. — Я думал, это ты её послал в магаз за чем-нибудь, поэтому даже не спрашивал.

Я покивал головой, закрыл окно и, решил тоже выйти на улицу.

Колёк уже допил пиво. Прямо перед тем, как я подходил к скамейке, он громко бросил бутылку в мусорный бак, и та, судя по звуку, не разбилась.

— Ну, что, пойдём ещё возьмём, — предложил я ему, зная, что денег у него или совсем нет, или остались копейки.

Он радостно вскочил, и мы пошли в супермаркет через дорогу. Я решил подробнее расспросить его про Севу, пока идём:

— Я смотрю, у Севы там серьёзный роман закрутился? — начал я, как будто хотел чисто поржать.

— Да, представляешь, молчит зараза. Ничего особо сам не могу у него выпытать. Гуляем, говорит, стихи читаем свои друг другу. Ну, всё такое. А вчера звонит вечером, я, говорит, у Марины останусь с ночевкой. Видать, и правда, всё серьёзно там у них.

Мы взяли в магазине по три банки пива, вернулись к той же лавочке. Коля признался мне, что хотел бы остаться здесь в Адлере, тем более, ведь дядьку своего нашёл здесь. Теперь ему было, где остаться жить.

Через несколько минут солнце вышло из-за здания нашего отеля и, нас немного раскумарило. Я, кажется, уже полулёжа сидел на лавочке, хотелось отлить, но была такая лень, что я решил ещё потерпеть. Пиво заканчивалось.

— Эй! А что это вы тут делаете? — услышал я родной и весёлый голос.

София шла со стороны вокзала, как мне показалось, который был в пятистах метрах от нас. Почему-то я ждал, что она будет с какими-нибудь покупками. Но она была только со своим клатчем.

— Пиво пьём, тебя ждём, — промямли я, и протянул к ней руки.

София плюхнулась ко мне на скамейку, обняла в ответ и поцеловала.

— Я ещё не завтракала, — сказала она как-то тихо.

— Так где же ты была почти всё утро?

— Как раз хотела тебе рассказать за завтраком.

— Ну, что же. Пойдёмте в центр, поедем что-нибудь, — обратился я к Софии с Колей.

Коля утвердительно махнул головой.

— Руслан, у меня для тебя небольшой сюрприз, — стеснительно поджимая подбородок, заявила она, — мне нужно, чтобы мы вдвоем побыли. Надеюсь, Николай не против, если сегодня отдельно позавтракаем?

— Нет, конечно, какие вопросы, — ответил равнодушно Колёк, понимая, что у него нет выбора.

Я не заметил на тот момент вообще никакого подвоха в том, что ей нужно было остаться со мной наедине. Лишь только небольшой дискомфорт я почувствовал перед прирученным уже Кольком за то, что пришлось его срезать.

Я достал из кошелка пятьсот рублей, протянул ему, чтобы он взял завтрак себе сам, но он отказался, хотя и был голоден. Отказался он потому, что было это всё перед Софией. Он стеснялся, брать деньги перед женщиной, как я заметил. Деньги всегда не стеснялся кланчить Сева. Поэтому Колёк сам даже несколько раз подбивал его, чтобы он у меня попросил. Это я слышал сам.

Мы не далеко ушли с Софией. Пройдя около километра, сели на втором этаже привычной для нас комфортной кафешки. Там были удобные диванчики, вид на море, да и готовили неплохо.

— Я ходила на вокзал, — сказала она.

А я любовался пейзажем, думал о том, как это классно — уметь наслаждаться моментом. Ведь этот отдых всё равно не мог продолжаться вечно. Есть ещё будничная рутина, работа. Но вот этот момент: любимая девушка; её красота; море; хорошая погода; балдёж от трёх банок пива.

— Что?! На вокзал? — вдруг дошло до меня, — А зачем?

— Руслан, прости, с тобой хорошо, но мне надо ехать.

— Ехать? Ты что?! Куда? Когда?

— Я взяла билет на вечерний поезд, — сказала она так, как будто взяла билет в кино.

— София, я не понимаю тебя. Ты что, хочешь ехать одна, без меня? — возмущался я и старался не пустить слезу.

А ещё мне был непонятен её поход на вокзал. Покупка билета по старинке.

— Руслан, у меня сын дома. Я не могу тут вечно тусоваться с тобой и твоими друзьями.

— Я понимаю, но я на машине, София. Мы можем поехать все вместе, если тебе надо прямо сейчас.

— Руслан, я не хочу портить тебе отдых. Я вижу, как ты кайфуешь тут. Отдохни ещё.

— Ну, ты что, моя родная, — я взял её за руку, — какой отдых здесь будет без тебя.

Я чувствовал, как моя рука всё сильнее сжимает её руку. Это происходило как-то само собой.

Софии стало больно, она выдернула запястье из моей ладони, нахмурила брови, скривила лицо на секунду.

— Руслан, я уезжаю сегодня, и это решено. Я не хочу прощаться с тобой плохо. Я тебе очень благодарна за этот отдых. Но, пожалуйста,пусти меня. Будь как хороший друг. Мне так надо... Я позвоню тебе потом... Сама...

2.

Вечером на вокзале мы долго обнимались и много целовались. На пироне люди толкались, обходя нас. Её уезд стал для меня очень резким потрясением. Но мне казалось, что она должна позвонить мне на следующий день — сразу же, как приедет.

Сева и Колёк тоже пришли проводить её. Они слонялись где-то вокруг, то и дело иногда подходили, подбадривая нас разными шуточками, чтобы мы с Софией особо не грустили. Типа:

— Назад приехать если соберёшься, София, захвати в Котельниках рыбу копчёную к пиву. А то здесь такой нету, — говорил Колёк.

— Зря ты Руслана отставляешь, — пробасил монотонно Сева, — теперь Кольку или мне придётся стать его полевой женой на время.

София то смеялась, то пыталась не заплакать. Или, как мне в тот момент показалось, делала вид, что сдерживала слёзы. Она как-то ожидающе поглядывала на вагон. Это было похоже не на боязнь опоздать на поезд, а на желание уже сесть и ехать.

В семь часов вечера её поезд тронулся. А я не понимал, за что меня оставили на вокзале. Состав отдалялся по прямой линии, и с этим отдалением в теле нарастала какая-то тяжесть.

Позже уже я думал о том, что ели бы ни Коля с Севой тогда рядом со мной, то тело бы моё не выдержало той тяжести — я бы упал, ну, или же присел на корточки.

Всю дорогу, что мы шли в отель, они не говорили со мной, а даже перешептывались между собой. То ли таким образом они прочувствовали мою горечь, то ли им самим было грустно отпускать Софию.

Зайдя в номер отеля, я совсем почувствовал себя мерзко. Я рухнул на кровать. Постель была собрана, но пахла Софией. Весь номер был прибран, это София постаралась перед выходом. Мне было жалко что-то трогать здесь, менять.

Хотелось какого-то уединения, но в то же время не оставаться одному. Что нужно было делать дальше, я даже не представлял. Минут через двадцать в номер ввалились парни.

— Руслан, ты как? — поинтересовался Сева. — Мы тут прогуляемся, сходим. Тебе надо чего-нибудь?

Я молчал несколько секунд — думал, что мне может сейчас понадобится. Потом торжественно заявил парням: «Всем виски за мой счёт»!

3.

Я специально выбрал бар с тусклым светом, с негромкой музыкой. В фильмах показывают именно такие бары, когда плачущий матильдастрадалец открывает бармену душу — рассказывает всё о несостоявшейся любви.

Хотелось, конечно, нажраться. Но я старался сдерживать себя. Мы сидели за барной стойкой с Кольком. Он сказал, что если я захочу поговорить о Софии, то он меня выслушает. Это были самые поддерживающие слова.

Сева вышел встречать свою Марину. Ещё утром даже не подозревал, что смогу ему позавидовать в этом. Белой завистью, конечно. Курортные романы, как правило, самые безответственные и скоротечные, но всё же... В этот самый вечер на коне был именно Сева.

Музыка в баре, люди и вискарь помогли мне быстро расслабиться. Я стал невольно обращать внимание на других девушек. Мог ли я затащить к себе в номер кого-нибудь, пока София едет в поезде — не знаю даже. Но всё же такие мысли стали мелькать в моей голове.

Помню, как отвернулся от стойки, начал рассматривать весь зал и пританцовывать. Колёк в этот момент с облегчением вздохнул. Это я увидел боковым зрением.

В этот самый момент к нам подошли Сева с Мариной. Я видел её раз третий на тот момент, после их с Севой знакомства. Однако поговорить с ней и немного узнать, что это за личность, мне удалось в тот вечер впервые. Она тут же выразила мне свои сожаления по поводу уезда Софии:

— Ох, Руслан. Я была свидетелем начала вашего трогательного романа. Заметила, что вы блистательная пара. Всеволод мне сказал, что София уехала домой, и теперь вы грустите. Сожалею, конечно, но желаю, чтобы это расставание было недолгим.

Кстати они с Софией успели немного пообщаться в один из вечеров. Это были два разных человека по возрасту и по статусу. Но, несмотря на это, две женщины прекрасно поладили и нашли общий язык.

У Марины, как я успел увидеть, были грустные и мудрые глаза. Но их не всегда удавалось рассмотреть. Во время разговора они то и дело скрывались под полями шляпы, а иногда показывались. Но острый нос и этот английский подбородок невозможно было скрыть шляпой.

Это была женщина из начала двадцатого века, но с очень современным чувством юмора. Неудивительно, что Севе она понравилась. Ведь Сева всегда был очень разборчив.

Марина рассказала немного о себе: ей было сорок восемь лет; сын уже женат; пару лет назад потеряла мужа после автокатастрофы. И тогда же решила продолжить его дело — стала писать стихи. Я попросил прочесть несколько. Они были короткие. Большинство юмористические. И все они мне даже очень тогда понравились.

— Маришка, а давай-ка тот философский, мой любимый, — попросил Сева.

— Здесь музыка мешает. Давай чуть позже, — ответила она с должным уважением к своему творчеству.

— Ай, да ладно, — хамски настаивал уже пьяный Сева, — щас я тебе, Руслан, его в контакт скину. Я его записал. На, зацени.

Это стихотворение называлось «Вселенская спираль».

*Наш путь проходит по спирали —
Виток, за ним ещё виток.
В галактике по магистрали
Нас мчит невидимый поток.*

*Конец пути, и вновь начало;
Падение — взлёт, падение — взлёт.
И вновь отходит от причала
Безумных мыслей звездолёт.*

*И мы, летя на нём вслепую,
Не знаем правила игры,
В мечтах отчаянно рисуя
Нетленной вечности миры.*

*Руководимые Богами,
Мы тщетно ищем жизни смысл,
А ключ к разгадке под ногами-
В магическом рисунке чисел.*

*Вселенной малые частицы
Мы воплотились, чтобы жить,
Меняя сущность по крупице,
К богам протягивая нить.*

*Всё в этой жизни не случайно:
Рождения час и смерти миг;
Покров приподнимает тайна
Для тех, кто истину постиг.*

*Стремясь к вершинам совершенства,
Нас мчит невидимый поток —
Туда, где вера — есть блаженство,
Туда, где вечности исток.*

Мудрая поэтесса Марина Мирная помогла мне в этот вечер затопить грусть расставания. Это была восхитительная женщина. Она была молчалива, но бросала короткие фразы, которые обдумываешь дольше, чем они звучат. Думаю, что Севе не стоило сильно напиваться при ней.

Лучше бы ему попробовать продлить ещё подольше общение с такой интересной дамочкой. Может быть и получатся тогда у них отношения.

Да и вообще не плохо было бы, если бы Севу приютила хоть какая-то женщина. Почему-то мне в тот вечер показалось, что Марина для этого очень бы подошла.

Мне действительно стало гораздо легче на душе от компании, но возвращаться в номер я точно не хотел, зная, что меня там ждёт: воспоминания, терзания, сожаления, а может даже вследствие и срыв по пьяни.

Мы не стали дожидаться закрытия бара — нужна была движуха хоть какая-то.

Всеми было решено ехать в шалман к Колиному дядьке. Шалманом назывался частный дом в районе Молдовка.

Конечно же, наш визит в неизвестное для меня место не был неожиданным для хозяев. Коля созвонился с дядей Саней и, тот дал добро. Несмотря, что время близилось к полночи, мы успели купить выпивки и закуски в качестве гостинцев.

Ехали на такси мы на удивление для меня совсем не долго. Где-то минут через сорок пути подъехали к старому покосившемуся дому. Дом был из камня, давно когда-то побелен, а ставни имели след синей краски. Лучи от фар нашего такси, прожектором пробежались по всей территории. Там во дворе сидели люди за столом.

Возле ветхого заборчика нас встречал седовласый мужчина лет семидесяти. Он был в майке без рукавов. Поэтому было видно, что всё тело его покрыто татуировками. Такие делают в тюрьме.

— Ну, ты чё, Колька, б... дь, всё никак не уймёшься на ночь глядя, — крикнул он нашему другу, — водки хоть привёз?

— Готовь скатерть, дядя Саня, — ответил Колёк, — посмотри каких закусок и сколько бухла вам сюда привезли.

Я вышел из такси, держа полных два полиэтиленовых пакета с разной едой и водкой, за мной вышел Сева с такими же двумя пакетами, а следом и Колёк, тоже с двумя пакетами.

Дядя Саня растянул рот до ушей, обнажив прочищенные зубы. Я протянул ему руку, представился. Он пригласил пройти к нему во двор. Во дворе стояла беседка со столом посередине. За столом сидели ещё двое пожилых мужчин и одна пожилая женщина. Женщина была в слезах.

— Людка, не реви, — командным тоном сказал дядя Саня, — вон, пацаны тебе выпить привезли.

Женщина сразу успокоилась, вытерла слёзы.

Мне сразу в голову пришла следующая шуточная мысль: Людка приехала сюда на юг молодая красивая, её тоже, как и меня оставили. Потом её привезли в гости к дяде Сане, где она спилась и постарела.

То же самое могло ждать и меня в этом шалмане. Эти мысли подсказывали мне, что не стоило бы здесь надолго задерживаться.

— Тётя Люда, нате водки, — джентельменски предложил Колёк, и налил ей в рюмку, — что вы плачете?

— Да дочь родная на хер послала, вот что, — всхлипывая, сказала Люда, и тут же выпила.

Тех двоих мужчин я почти не помню. Они молчали весь вечер. А вод тётя Люда пела до рассвета и рассказывала разные небылицы.

Колёк рассказал своему дядьке, что приехали мы сюда из-за того, что моя девушка уехала, а оставлять меня одного они не хотели.

Дядя Саня положил мне руку на плечо и сказал:

«Знаешь, Руслан, какой из грехов самый опасный, по моему личному наблюдению?.. Гордыня! Именно от неё потом идут остальные грехи. Я четыре раза сидел, и всё из-за неё сволочи. Кто-то не так что сказал — тюрьма. Кто-то не уступил — тюрьма. Я не хочу сказать, что от неё как от огня тебе нестишь нужно. А просто выбор делай всегда — гордыня, или забить на всё. Поэтому ты сам реши, какое из двух зол предпочитаешь, и не ломай башку дальше. Гордишься — поищи себе здесь другую тёлку. А не гордишься — поезжай за своей любимой бабой, и предложи сожительство».

На следующий день, а точнее вечером, я сел за руль и поехал в сторону Волгограда.

Глава 6. DJ Burn

Ещё по-настоящему летняя жара стояла в средней полосе России в конце августа. Я подъезжал к турбазе «Буревестник» на Волге. Там на трассе решил попробовать арбуз. Об этом я пожалел через полчаса. Именно из-за этого арбуза мне приспичило заглянуть на эту самую турбазу, будь она проклята.

Женщина администратор показалась мне довольно приятной и приветливой. Я, честно говоря, немного размяк от теплоты её. Может быть, даже поэтому и решил остаться погостить сутки в их апартаментах. Мне, конечно же, очень понравились их совсем новые двухэтажные здания. Я снял номер на втором этаже. С моего окна были видны острова и девушки на сапах переплывающие то с пляжа на острова, то с островов на пляж.

После полудня, когда принял душ и немного отдохнул, я решил выйти из номера. Мне захотелось каких-нибудь романтических приключений. На пляже были в основном пары, и многие из них с детьми. Их пiski и брызги у воды меня быстро утомили, и я пошел к пляжному бару. Там за стойкой сидело трое мужчин и одна женщина с ними. Как я понял по их разговору, это была одна компания. Они казались очень добродушными и расслабленными. Я не стал навязываться к ним с болтовней, потому что не хотел показаться лишним. Просто взял бокал пива, быстро выпил, и отправился бродить дальше.

От невозможности пообщаться, поговорить с кем-нибудь, я начинал больше тосковать по Софии. Мне казался этот наш короткий роман каким-то не завершённым, не законченным.

За территорией нашей турбазы находился дачный массив. Мне захотелось прогуляться среди зелёных садов. От некоторых участков доносился запах спелых яблок. Абрикосы давно отошли и оставили о себе на память лишь гнилые лепёшки с торчащими из них косточками. Их было так много повсюду на земле, что казалось, здесь был просто абрикосовый рай месяц назад. Где-то на деревьях, впрочем, висело по несколько штук, но до них было не дотянуться из-за высоких дачных заборов.

Сам не заметив для себя, я вышел к оживленной трассе, вдоль которой в ряды стояли магазины. Мне тут же захотелось крепкого. Помимо местных маленьких магазинчиков были ещё и сетевые. За крепким я, конечно же, пошёл в сетевой.

Даже не ожидал, что в очереди мне придётся простоять минут двадцать. Кажется, что со всех дач люди пришли за продуктами и выпивкой в один момент. Это немного раздражало меня, поэтому я не стал долго рассматривать товары в магазине, лишь взял бутылку Jack Daniel's и литровую коробку сока. Конечно же, как всегда, сигареты были на кассе.

Постояв в очереди первые минут пять, я понял, что это не такое уж и нудное занятие. Наверное, мысли о Софии так сильно загрузили меня, что я даже не заметил того, что вокруг стояло много молодых женщин и девушек в бикини. Почти у всех были прямо-таки хорошенькие тела. У кого-то из них были мокрые от воды волосы, у кого-то ягодички в песке, а у кого-то кожа на свету играла капельками пота. И тогда уже дальше время в очереди пошло незаметно.

Я вышел из прохладного магазина, ослеплённый полуденным солнцем, в нагретую духоту. Сразу же захотелось к воде. Чтобы свежо было и влажно. Я опять перешел дорогу, и выбрал самый узкий, самый тенистый путь среди дачных участков. Он вёл куда-то вниз, а значит точно к Волге.

Как только я появился в том месте, где нависают ветки садовых деревьев, сразу же захотелось открыть бутылку. Так я сделал привал на несколько минут. На маленькой тропинке в узком проходе следы низеньких заборов из арматуры было очень хорошо. Открыл бутылку, сделал глоток, достал сигарету, задымил. Где-то рядом ходили люди, но я не привлекал ничьё внимание — все тоже были хмельные.

Отдохнув, сняв усталость другом Джеком, я продолжил свой поход вниз к Волге. С Джеком идти веселей, перестаёшь ощущать одиночество.

Через десять или пятнадцать минут после своего привала, я уже был на маленьком песчаном пляже. Берег был слабо обустроен для массового загорания. Поэтому там было примерно человек двадцать, включая детей. Но и там я не стал задерживаться, а пошел вдоль берега уже по маленькой тропинке, которая постепенно всё больше поглощалась камышом. Просто мне нужен был тенёк. И тут я очутился на настоящем рыбацком месье.

Огромный дуб стоял у самой воды, а его ветки нависали над зелёной гладью. А из этой глади торчали две рогатки — подставки под удочки. Их отставили рыбаки.

Корни дерева, когда-то подмытые водой, спускались в реку, а некоторые торчали наружу, как бы расстилаясь по земле. Из них получалась самая настоящая лавка, сделанная самой природой. Не приходилось садиться на траву или землю. Вокруг меня был участок шириной где-то три с половиной метра закрытый от солнца. В полдень комаров ещё не было, а голоса людей были очень далеко. Самое настоящее уединение с природой. Лучшее, что можно вообще придумать для ретрита.

Единственное, что на тот момент оставалось меня раздражать — это гнусавое жужжание или рычание катеров. Хотя я и сам имел лодку с мотором, любил выйти на воду, но сейчас меня напрягал их звук. А катера были разные — от простеньких до навороченных. И на воде тоже, кто не знает, как и на дорогах есть своя иерархия.

Из всех этих катеров, что проходили мимо, присылая к моему берегу волны, мне врезался в глаза один. Это был необычный катер. Серебряная пуля, летящая по реке. Я таких раньше не видел. Чистейшее зеркало на зелёной глади. Возможно, если бы я пару дней назад увидел его на море, то он и не привлёк бы моего внимания. Но здесь на Волге он явно выделялся среди остальных. Небольшой по размеру, но с мощным мотором. На вид просто Maserati на воде.

Через полчаса он снова прошёл мимо меня, но уже с человеком на лыжах. И причём мне показалось метров со ста, что в самом катере никто не находился. Я не придавал этому большего значения. Мне нравилось то, что я нахожусь на природе — один, с вискарём, в тенике у воды. Особенно в не летний сезон мы мечтаем провести так денёк хотя бы, но редко получается. Чтобы получилась так, по телевизору у Жванецкого в моём детстве: «Водка, речка и, чтобы пароход по ней плыл». Ну, или что-то в этом духе. Тогда я не понимал, зачем всё это вместе должно быть. Сейчас с возрастом всё больше соглашался с приятностью этой картины.

А тот самый катер опять проплывал мимо меня уже медленно. Сначала высунулась голова в крупных очках, потом голый торс. Молодой человек привстал, и поднял вверх, держа за горлышко, такую же бутылку Jack Daniel's, какая была у меня. Меня этот его жест немного развеселил. И я с радостью в ответ повторил за ним то же самое. Он засмеялся вдалеке — я лишь увидел это, а не услышал. Потом он сделал глоток и опять поднял бутылку над головой. Я опять повторил за ним. Очевидно, что это Jack Daniel's связал нас и развеселил. Тут же он втопил, и исчез из виду за островами.

За эти два или три часа, что я просидел на берегу, уже полпачки было скурено мной. Может быть алкоголь так действовал, а может я так пытался заглушить мысли о Софии. Но всё-таки надо отдать должное сигаретам и алкоголю — я расслабился и немного даже забылся. Мне стали приходить в голову оптимистические мысли. Я стал понимать, что нужно начать новую жизнь — прямо сейчас, ну, или завтра. Неплохо было бы познакомиться с новой девушкой, заново влюбиться, снова поехать куда-то вместе. Хотя здравый внутренний голос говорил мне, что хватит уже просаживать оставшиеся бабки, а нужно задуматься о жилье и зарботке.

И снова это мажорский катер показался вдалеке. Он мчался в мою сторону. Резкий поворот влево. Волны хлынули к берегу и снова потревожили зелёную муть в камышах. Медленным ходом катер приближался ко мне. Салон — шоколадные дерево и кожа. На борту была надпись латинской прописью: «Silver Bullet».

— Добро пожаловать на борт! — тот же парень, что поднимал бутылку виски, дружелюбно позвал меня.

Теперь я точно был очень удивлён. Потому что он был совсем один, а тем более вальяжно сидел на заднем сиденье. За рулём не было никого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.